

Кэтлан Гаррангтон

Навека твоя

СОБЛАЗН И ГРЕХ

КЛУБ
СЕМЬНОГО
ДОСУГА

Соблазн и грех

Кэтлин Гаррингтон

Навеки твоя

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Гаррингтон К.

Навеки твоя / К. Гаррингтон — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013 — (Соблазн и грех)

ISBN 978-966-14-8240-0

Англия, XVI век. Имя графа Лахлана Мак-Рата по прозвищу Чародей Моря окружено легендами. По слухам, красавец пират с изумрудными глазами владеет магией и способен вызывать на морях сильные штормы. Увидев его впервые, юная фрейлина Франсин Гренвилль поняла: чары этого шотландского пирата могут вызвать бурю не только в океане, но и в женском сердце...

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

ISBN 978-966-14-8240-0

© Гаррингтон К., 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Глава пятая	46
Глава шестая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кэтлин Гаррингтон

Навеки твоя

Kathleen Harrington
Lachlan's Bride

© Kathleen Harrington, 2013

© Jon Paul, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2014

* * *

*Моему сыну и его супруге, Рику и Джо Бек, с наилучшими
пожеланиями*

Пролог

Май 1496 г.

Горы Чевинот-Хилс

Граница между Англией и Шотландией

Вытянувшись во весь рост, Лахлан Мак-Рат лежал на пропитанной кровью земле. Он вглядывался в безоблачное утреннее небо и слушал, как стонут измученные болью раненные.

Весенняя трава, густая и яркая, была покрыта телами погибших и умирающих. Появились первые лучи солнца и рассеяли предрассветный туман над вершинами холмов. Легкий ветерок покачивал опущенные головки желтых лютиков и голубых колокольчиков. Обезображенные трупы, многие с обрубленными конечностями, лежали среди цветов, глядя застывшими глазами в небеса. Продавленные шлемы, сломанные мечи, топоры и копья были безмолвными свидетелями жестокого сражения. Оставшиеся в живых боевые кони мирно щипали траву рядом с телами своих павших хозяев.

С рассветом сюда сползутся мародеры... Они уже ждут удобного момента, чтобы снять с мертвых все, что представляет хоть какую-нибудь ценность: доспехи, кинжалы, сапоги, ремни. Хорошо, если первыми появятся шотландцы. Если же нет, то его ожидает неминуемая смерть. И ему, черт возьми! остается только одно – ждать. Лахлан лежал, придавленный к земле трупом своего коня. Всю ночь он пытался освободиться, но безуспешно.

Накануне вечером шотландцы и англичане яростно сражались в широкой холмистой долине. В пылу битвы всадники уносились вперед, оставляя на земле тех, кого выбили из седла. И только когда стало так темно, что невозможно было отличить друга от врага, бой прекратился. Неизвестно, чем он закончился, так как победитель определился где-то вдали, за много миль от этого поля.

Лахлан, черт побери, сам виноват в том, что с ним случилось, так как в эту вылазку на территорию Англии он отправился вместе с королем Джеймсом ради забавы. Он собирался доставить в замок Роксборо четыре пушки и фламандского мастера-канонира, который должен был обучить воинов стрельбе из них, и сразу же вернуться на корабль. Однако потом Лахлан изменил свое решение. После скучного, небогатого на события плавания на «Морском ястребе» из Нидерландов в Эдинбург ему еще пришлось сопровождать в крепость огромные пушки, которые тащили волы в упряжках. Переезд был довольно утомительным, захотелось немного взбодриться и развлечься.

Когда он узнал, что король поведет небольшой отряд в Нортумберленд, чтобы отбить домашний скот, захваченный английскими разбойниками, то не смог устоять перед искушением и присоединился к нему. Ничто так не волнует кровь мужчины, как рукопашная схватка с давнишним противником.

Шотландцы не ожидали, что лорд Дакр, губернатор приграничных земель, сможет собрать такой хорошо вооруженный и значительно превосходящий по численности их собственный отряд. В результате увеселительная прогулка превратилась в смертельную битву.

Тягостные мысли Лахлана были прерваны чьим-то зовом о помощи. Лежавший неподалеку раненый английский солдат, который всю ночь стонал от боли, приподнялся на локте: – Личестер! Сюда, сэр! Это я, Уилл Джеффрис!

Прикрыв глаза, Лахлан наблюдал за ним. Он заметил, что появился еще один англичанин. Облаченный в великолепные доспехи, какие носили только знатные и богатые люди, тот ехал на огромном, покрытом попоной вороном коне. Он явно кого-то искал, так как вел под уздцы оседланного гнедого жеребца размерами поменьше, чем его. Этот конь явно ждал своего седока.

– Я здесь, маркиз, – едва слышно окликнул его юноша, назвавший себя Уиллом Джеффрисом.

Подняв дрожащую руку, он помахал ею; маркиз Личестер подъехал ближе к своему соотечественнику и спешился.

– Хвала Господу, – хрипло простонал Джеффрис. – Мне рассекли мечом бедро. Рана все время кровоточит. Я боялся, что не доживу до утра.

Личестер не произнес ни слова. Подойдя к раненому, он опустился на одно колено и, приподняв, посадил его. Потом маркиз схватил парня за волосы, зажал в кулаке несколько золотистых прядей и, запрокинув назад голову юноши, ловко перерезал его незащищенное горло от уха до уха. Потом он спокойно вытер лезвие своего кинжала о камзол парня, взял мертвое тело на руки и, подняв его, перекинул через седло гнедого коня лицом вниз.

Английский вельможа огляделся по сторонам, очевидно проверяя, не видел ли кто-нибудь, как он совершил это хладнокровное убийство. Лахлан лежал неподвижно, затаив дыхание и прикрыв глаза. Убедившись в том, что его никто не видел, маркиз сел на своего коня и, подхватив поводья второго жеребца, ускакал прочь.

Лахлан медленно перевел дыхание.

Вот ведь сукин сын.

Он знал, что англичане – кровожадная нация, но даже не предполагал, что они способны убить беззащитного соотечественника на опустевшем поле боя.

Кто же этот ублюдок, совершивший подобное предательство?

Не прошло и нескольких минут, как легкий утренний ветерок донес до него тихий свист. Лахлан насторожился. А как же иначе, черт побери! Ведь он сам сочинил этот проклятый мотивчик для одной дамы, желая доставить ей удовольствие. Она же познакомила с этой песенкой весь королевский двор Шотландии, чем чрезмерно огорчила Лахлана и порадовала его младшего брата Кейра Мак-Нейла, который переделал изящные лирические стихи в непристойные куплеты. Они понравились всем, кроме автора и его возлюбленной. При дворе уже давно забыли, что первоначально эта песня была нежной любовной балладой, а не одой похотливой молочнице, любившей покувыркаться на сене с молоденькими конюхами.

Однако при сложившихся обстоятельствах, услышав надоевший припев, Лахлан чертовски обрадовался.

Когда свист приблизился, он смог разглядеть очертания всадника крупного телосложения. По весеннему полю, усыпанному трупами, на гнедом жеребце ехал его родной братец.

Опершись на локоть, Лахлан приподнялся и, заложив в рот два пальца, свистнул в ответ.

– Ты просто болван безмозглый, – усмехнулся Кейр. Спешившись, он подошел к брату и наклонился, заслонив своим телом восходящее солнце. – Неужели ты не знаешь, что, когда твой конь падает, нужно прыгнуть с него?

– Я просто не успел этого сделать, – угрюмо ответил Лахлан. – А теперь, черт побери, давай вытаскивай меня отсюда.

– Нога сломана?

– Не думаю. Я целую ночь пролежал под конем, и у меня все тело онемело. Слава Всевышнему, ты нашел меня!

– Когда ты не явился в замок вместе с королем Джейми к началу танцев, я понял, что ты попал в беду, – язвительно усмехнувшись, сказал Кейр, и в его зеленых глазах зажглись озорные огоньки. – Я ведь знаю, что, если предоставляется случай приласкать какую-нибудь благородную даму, ты его ни за что непустишь.

– Уверяю тебя, что предпочел бы провести эту ночь в объятиях ласковых и нежных ручек, – признался Лахлан.

Негромко насвистывая, Кейр сначала отрезал плетеный шнур от валявшегося рядом знамени, потом один конец шнура привязал к передней луке своего седла, а вторым концом обмотал мертвого коня. Слегка похлопав по крупу гнедого мерина, Кейр заставил его двинуться и оттащить труп в сторону.

– Только не спеши, мальчик, – сказал Кейр коню. – Сейчас, верзила, все нужно делать медленно и осторожно.

Когда тяжелую тушу наконец стянули с ног Лахлана, тот от боли стиснул зубы.

– Господь милосердный, – простонал он.

– Нет, это всего лишь я, – ободряюще улыбнулся Кейр.

Он отстегнул латы, защищавшие ногу Лахлана, и отбросил в сторону стальную пластину и наколенник, потом осторожно ощупал ногу, пытаясь определить, все ли кости целы.

– Перелома нет, – заверил он старшего брата и помог тому подняться на ноги. Он поддерживал Лахлана, забросив его руку на свои могучие плечи. – Стой на здоровой ноге, пока не восстановится кровоток.

Резкая боль буквально обожгла ногу Лахлана от бедра до самой ступни, когда онемевшая конечность начала обретать чувствительность.

– Ты случайно ночью не слышал, чтобы кто-нибудь здесь звал на помощь по-шотландски? – спросил Кейр, оглянувшись на мертвые тела солдат, лежавшие поблизости.

Покачивая в ответ головой, Лахлан скривился и начал растирать затекшую ногу.

– Давай поскорее уберемся отсюда, – произнес он сдавленным голосом, – а то придется отбиваться от мародеров или еще того хуже. Я тут такое увидел! Расскажу, так ты не пове-ришь.

– Что случилось? – спросил Кейр.

Посмотрев в горящие любопытством глаза брата, Лахлан стащил с рук длинные перчатки.

– Расскажу по дороге.

Сев на своего коня, Кейр протянул ему руку. Преодолевая жгучую боль, он схватился за нее и забросил пострадавшую ногу на спину гнедого мерина.

Обхватив младшего брата за талию, Лахлан засунул пальцы под ремень Кейра.

– И не надо всю дорогу до Роксборо насвистывать этот проклятый мотивчик, – проворчал он.

Раскатистый хохот Кейра громом разнесся в утренней тишине.

– И это твоя благодарность за то, что я приехал тебя спасать? – ответил он, тряхнув своей черноволосой головой. – Мне, между прочим, пришлось отложить очень выгодную партию: у меня на руках были такие карты, что я мог выиграть целое состояние. В следующий раз, когда нужно будет выручать тебя из беды, обращай к Рори.

– А где, черт возьми, наш старший брат?

– Думаю, что в это самое время лейрд¹ Мак-Лин греет свой зад возле пылающего жарким пламенем камина в замке Стелкейр. Он все еще в горах, парень. Там, где нам всем надлежит быть.

Лахлан презрительно фыркнул, вспомнив свой безрассудный поступок.

– В следующий раз, когда король Джеймс захочет отправиться в Нортумберленд, взяв с собой небольшой отрядец, чтобы слегка поживиться за счет грабежа, я тоже буду там.

– Поедешь вместе с королем?

– Нет, буду греть свой зад в Стелкейре рядом с Рори.

¹ Так именуют лорда в Шотландии. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Глава первая

Июнь 1503 г.

Дворец Колливестон

Нортгемптоншир, Англия

Франсин стояла вместе с другими фрейлинами, наблюдая со своего места за горцами, которые уверенной походкой прошествовали в тронный зал Тюдоров. Двенадцать шотландцев, облаченных в красно-черные килты и береты, украшенные перьями, в чулках и башмаках с пряжками, приблизились к его величеству Генриху VII, милостью божьей королю Англии, Уэльса и Ирландии. Они шли, гордо подняв головы, широко расправив плечи и выпрямив спины, словно солдаты, несущие алебарды.

Их предводитель был необычайно высоким – выше всех мужчин, находившихся в зале. Даже выше английских рыцарей, которые с таким мужеством и отвагой сражались в битве при Кале². Его длинные рыжевато-каштановые волосы, стянутые бархатной ленточкой, свисали на спину. Клетчатый плед был пристегнут к красному жилету длинной, отделанной драгоценными камнями булавкой и наброшен на широкое мускулистое плечо. В правом ухе сверкал огромный рубин, поражая своей изысканностью и великолепием.

– Господь милосердный, – прошептала стоявшая рядом с Франсин леди Диана Пемброк. – Тебе когда-нибудь доводилось видеть столь прекрасное создание?

Франсин не нужно было уточнять, какое именно создание привлекло внимание Дианы, так как взор этой леди был прикован к предводителю горцев. Прелестная подруга Франсин была известна своими любовными романами с молодыми красавцами придворными. Как ей удавалось держать свои похождения в тайне от мужа, который был намного старше нее, для Франсин оставалось полнейшей загадкой. Она подозревала, что обманутый муж счел за лучшее не замечать скандального поведения своей супруги, а не терпеть откровенные насмешки придворных.

Несмотря на вопиющее безрассудство Дианы, Франсин тем не менее была искренне привязана к этой дерзкой брюнетке. По правде говоря, она втайне восхищалась легкомыслием подруги.

– Он мне кого-то напоминает, – произнесла Франсин полушепотом. – Возможно, какого-нибудь известного героя, портрет которого я видела в детстве в учебниках по истории. Или, может быть, какого-нибудь кельтского бога из древних языческих мифов.

– Такого кельтского бога я бы с большим удовольствием приручила, – ответила Диана, едва заметно усмехнувшись. – Могу поспорить на свое обручальное кольцо, что он в постели – настоящий лев.

– Если у тебя хватит глупости заманить его в свою постель, то ты и так можешь лишиться обручального кольца, – прошептала Франсин, едва сдерживая улыбку. Ей и раньше часто приходилось упрашивать Диану быть более осторожной, чтобы не разгневать супруга и не накликать беду на свою прелестную головку.

Франсин снова обратила взор на предводителя горцев. В ее памяти были живы все те удивительные истории, которые рассказывал ей сокольничий Фингус Маккей, служивший в их фамильном поместье. Это были истории о предводителях шотландских кланов, которых в раннем детстве кельтские волшебники наделяли магической силой. Однако то, что этот

² Историки свидетельствуют, что английская армия тогда состояла из профессиональных воинов, набранных посредством специального отбора.

мужчина – шотландец, еще не означает, что он является предводителем клана и уж тем более потомком какого-нибудь колдуна или чародея.

– Он, должно быть, храбрый и искусный воин, – шепотом ответила Франсин своей дерзкой подруге. – На его красивом лице нет ни одного шрама.

Леди Пемброк пожала плечами. Ее, очевидно, больше интересовала не военная доблесть горца, а то, насколько он хорош в постели. Она довольно захихикала, вспомнив, что вечером будет банкет. Наклонившись ближе к подруге, Диана сказала ей на ухо:

– Судя по тому, насколько совершенны черты его лица, Фрэнси, я могу заключить, что в рукопашном бою ему нет равных.

Франсин кивнула в ответ, хотя и не была согласна с Дианой.

– Это еще один довод в пользу того, что тебе стоит дважды подумать, прежде чем завязывать отношения с таким грозным воином. Подобные мужчины весьма опасны, – сказала она.

– Уф! – фыркнула в ответ Диана, озорно сверкнув своими серыми глазами. Она прижала два пальчика к губам, давая понять, что у нее от предвкушения уже слюнки текут. – Что за вздор! Я слышала, что свирепые горцы гораздо более талантливы в искусстве любви, чем даже французы.

Когда была затронута эта щекотливая тема, Франсин решила придержать язык. В конце концов, что ей на самом деле было известно о том, как ведут себя в постели шотландцы? Или англичане. Не говоря уже о любвеобильных французах. Леди Пемброк знала об отношениях полов гораздо больше, чем она. Ей, возможно, за всю свою жизнь не удастся приобрести в этом деле такого опыта, какой имелся у ее подруги. И в ближайшем обозримом будущем вступать в интимные отношения с мужчиной Франсин не собиралась.

Когда горцы приблизились к трону короля, все английские придворные, облаченные в свои самые роскошные наряды, вежливо расступились, образовав проход для гостей. Дворяне и их жены прибыли вместе с королем из Лондона, чтобы попрощаться с его старшей дочерью, принцессой Маргарет. Годом ранее, когда принцесса пребывала в довольно нежном возрасте – а ей исполнилось тогда всего двенадцать лет, – был подписан брачный договор, по которому она стала законной супругой шотландского монарха.

Пока представители шотландского клана шествовали мимо любопытных придворных к трону короля, герольд громогласно пророкотал на весь зал:

– Ваше величество, позвольте представить вам официального посла короля Шотландии Джеймса IV – лейрда Лахлана Мак-Рата, графа Кинрата, предводителя клана Мак-Ратов. Он прибыл вместе со своими соплеменниками.

Франсин почувствовала, как от страха по спине пробежал холодок.

О Господи!

Это же Ястреб! Чародей Моря!

– О-о! – пронесся по залу дружный ропот изумления, и все, кто там находился, в ужасе отшатнулись от печально известного Лахлана Мак-Рата, которого жители Англии прозвали Чародем Моря.

Английские моряки верили, что его корабль «Морской ястреб» может волшебным образом появляться из тумана. Матросы, вернувшиеся на родную землю, рассказывали, что этот капер³ может с помощью колдовства вызывать сильные штормы, чтобы ему легче было грабить разбившиеся о скалы английские корабли. Во всех гостиницах и на всех постоялых дворах Лондона по вечерам, при свете камина, рассказывали истории о подвигах этого страшного шотландца.

³ Здесь: морской разбойник, пират. (Примеч. пер.)

И вот сейчас Франсин своими собственными глазами увидела... *волшебника*. Человека, который мог менять свое обличье, превращаясь в предметы одушевленные и неодушевленные.

Предводителя клана горцев, наделенного необычным даром – магической силой.

Страх постепенно сковывал все ее тело. От макушки и до пальцев ног.

Ропот смятения и негодования пронесся по огромному тронному залу. Последние десять лет презренный Мак-Рат вместе со своими единокровными братьями Рори Мак-Лином и Кейром Мак-Нейлом, которых все ненавидели не меньше, чем его самого, постоянно нападал на английские и голландские корабли, мешая торговле. Самые лучшие суда из тех, которые бороздили моря и океаны, братья захватывали в качестве трофеев. Эту троицу вполне заслуженно наградили прозвищем «Шотландский Цербер»⁴.

Весь огромный зал мгновенно наполнился гулом голосов – все присутствующие осторожно, полупшепотом переговаривались друг с другом. Согласно недавно подписанному между Англией и Шотландией Договору о вечном мире, этому человеку даровали дипломатическую неприкосновенность и отправили к английскому двору в качестве посла шотландского монарха.

Подойдя к трону Генриха VII, горцы сняли свои береты и вежливо поклонились королю.

Вежливо, но без особой учтивости и подобострастия.

– Ваше Величество, приветствую Вас от имени Его Величества короля Шотландии Джеймса, – с невозмутимым спокойствием произнес граф Кинрат. – Он передает Вам свои наилучшие пожелания и молится о том, чтобы Господь даровал благополучие и процветание Вам и Вашей державе.

Протянув руку, Франсин молча сжала ладонь Дианы. Обе дамы с каким-то нездоровым восхищением принялись рассматривать страшного пирата.

Предводитель горцев заметно выделялся среди своих соплеменников природной грацией и изяществом. Его совершенно не смутила и не повергла в трепет роскошь и богатство королевского двора. Дворец Колливестон был резиденцией матери короля, леди Маргарет Бофорт.

Несмотря на то что в зале находился сам король Генрих, взоры всех присутствующих были прикованы к предводителю горцев.

Без какой-либо тени смущения шотландский пират подошел к королю, чтобы передать ему подношение от Джеймса IV Шотландского.

– Позвольте мне, Ваше Величество, в такой важный и торжественный день вручить Вам этот небольшой подарок, – произнес Кинрат с характерной для сельских жителей картавостью, – как знак глубокого почтения и уважения, которое питает к Вам мой сюзерен.

Король Генрих поднялся со своего трона, украшенного изящной резьбой, и, выйдя из-под балдахина с золотой бахромой, встал перед шотландцем. Даже если Генрих и был зол на Джеймса Стюарта за то, что тот имел наглость прислать известного пирата, своего любимца, в качестве официального представителя короля, он, как того требовали правила непостижимой и загадочной дипломатии Тюдоров, скрыл свои истинные чувства за маской учтивости.

Взяв из протянутых рук Кинрата позолоченные ножны, Генрих вытащил из них великолепный палаш и с восхищением принялся рассматривать его. От окна, рядом с которым стоял трон, падал яркий свет, и изумруды, рубины и сапфиры, украшавшие золотую рукоять клинка, засверкали разноцветными искрами, словно сокровища восточного султана.

⁴ Цербер – персонаж древнегреческой мифологии, злой трехглавый цепной пес с хвостом и гривой из змей, охраняющий вход в подземное царство. (*Примеч. пер.*)

Пока английский монарх изучал подаренное оружие, Лахлан Мак-Рат рассматривал презренных Сассенаков, которые собрались в тронном зале. Его взгляд, медленно скользивший по лицам придворных, вдруг метнулся в ту сторону, откуда на него с явным волнением и страхом смотрели два огромных карих глаза.

«Кем бы ни была эта женщина, клянусь Богом, она редкостная красавица», – подумал он.

Заметив его пристальный взгляд, женщина моргнула и отвела глаза. Это позволило Лахлану рассмотреть ее более внимательно.

На молодой даме был головной убор в форме полумесяца, который полностью скрывал ее волосы. Этот ужасный фасон вышел из моды много лет назад, поэтому такие вещи можно было увидеть только на престарелых вдовах. Несмотря на то, что шерстяное платье свободного покроя скрывало фигуру женщины, ее огромные карие глаза, обрамленные темными изогнутыми ресницами, лицо с кожей нежно-кремового цвета и манящие сочные губы могли свести с ума любого мужчину.

Будучи знатоком женской красоты, Лахлан одобрительно улыбнулся.

Если у нее и фигура такая же великолепная, как лицо, то в постели эта леди будет чертовски хороша.

Глядя на ее старомодное серое платье, можно было с уверенностью сказать, что она вдова и, возможно, не прочь завести легкую интрижку. Лахлану вдруг захотелось, чтобы поскорее наступил вечер, – он знал, что тогда состоится банкет, а после него будет бал.

Шотландец с неохотой отвернулся и снова обратил свое внимание на короля.

Оторвав взгляд от изумительно красивого двуручного меча, довольный Генрих едва заметно улыбнулся.

– Мы чрезвычайно рады получить от вашего сюзерена такой великолепный подарок, – сказал он, передавая оружие стоявшему рядом лакею, потом снова повернулся к Лахлану и смерил его холодным, невозмутимым взглядом. – Насколько я знаю, вам, лейрд Мак-Рат, сообщили о моем пожелании, чтобы вы вместе со своими соплеменниками сопровождали одну из фрейлин принцессы во время ее поездки в вашу страну.

Улыбка моментально исчезла с лица Лахлана.

Только накануне вечером Гиллескоп Керр, граф Данбартон, один из старейших членов шотландской делегации, поведал ему просьбу английского монарха.

Король Генрих хотел, чтобы во время путешествия в Шотландию Лахлан взял на себя ответственность за безопасность и благополучие вдовствующей графини Уолсингхем. Он должен был ехать впереди основного кортежа вместе с этой дамой и ее слугами и следить за тем, чтобы она ни в чем не нуждалась, а также выполнять все ее просьбы и пожелания.

Граф буквально взорвался от злости при мысли о том, что ему придется нянчиться с престарелой вдовой. Однако у него, черт возьми, не было выбора. Отказаться – означало нанести оскорбление самому королю.

Теперь же, подавив досаду, которая раздражала и мучила его, словно колючка, попавшая в башмак, Лахлан спокойно выдержал пронизательный взгляд Генриха Тюдора. Улыбнуться в ответ он не смог и поэтому просто вежливо поклонился в знак согласия.

– Ваше величество, для меня это огромная честь. Готов служить верой и правдой будущей королеве Шотландии и ее фрейлинам. – Он прижал руку к груди и постарался говорить так, чтобы не выдать недовольства, которые испытывал.

– Прекрасно, – ответил король. – А теперь позвольте представить вам вашу подопечную. – Он вытянул руку и изящным жестом дал знак леди, о которой шла речь, подойти к нему.

В переполненном зале мгновенно воцарилась тишина. Любопытство пересилило страсть к разговорам и сплетням. Лахлан повернул голову в ту сторону, куда указывала рука английского монарха.

Высокородные фрейлины, стоявшие возле трона, сбились в кучу, словно стадо гусей, и удивленно переглядывались, вытянув свои грациозные шейки. Похоже, услышанное стало для них полной неожиданностью. Некоторые беспокойно переминались с ноги на ногу, и во внезапно наступившей тишине был слышен тихий, похожий на ласковый ветерок шелест их атласных платьев. Посмотрев на своего замершего в ожидании сюзерена, дамы снова обратили взгляды на горцев. У многих были испуганные глаза. Однако были и такие, особо дерзкие и бесстрашные, которые соблазнительно улыбались шотландцам.

Лахлан едва сдержал улыбку. Господи, неужели никто не удосужился сообщить этим смущенным и озадаченным женщинам, что закаленные в боях представители клана Мак-Ратов будут сопровождать одну из их благородных подруг всю дорогу, пролегающую по холмам северной Англии и каменистым, ухабистым долинам сельской местности Шотландии?

Слегка повернувшись к дамам, король Генрих улыбнулся. И на этот раз нельзя было сказать, что улыбался он из вежливости, просто соблюдая этикет. Его продолговатое, худощавое лицо буквально светилось от неподдельной нежности.

– Леди Уолсингхем, прошу вас, подойдите к нам, – сказал он.

В этих неимоверно красивых карих глазах явственно читались сомнение и страх. Прекрасная вдова в уродливом головном уборе искоса глянула на стоявшую рядом брюнетку в отчаянной надежде найти подтверждение того, что она просто ослышалась. Но та слегка подтолкнула ее локтем, и вдовствующая графиня, направившись к королю, едва не споткнулась о подол своего платья.

Лахлан никак не ожидал такого везения, и его губы расплзлись в довольной улыбке. Ему не верилось, что с первого и до последнего дня пути он будет охранять это очаровательное существо, оберегать от опасностей и тревог. Злость и досада, которые он пытался унять огромными усилиями, сменились восторженным ожиданием.

Ну конечно же, он с превеликой радостью исполнит просьбу короля! Жаль только, что путешествие на север будет коротким.

Вот если бы они могли отправиться в длительный кругосветный вояж, это было бы в самый раз... Нет, даже такой маршрут показался Лахлану слишком коротким. Сколько же ему понадобится времени для того, чтобы затащить прелестную вдову в постель?

Подавив рвавшийся из горла крик отчаяния, Франсин подошла к этим двум мужчинам. Господь свидетель, ей действительно казалось, что сердце, которое колотится бешено и гулко, словно набатный колокол, вот-вот выскочит из груди.

– Дорогой друг, – сказал Генрих и, взяв Франсин за руку, заставил ее подойти ближе. – Как вам известно, наша дочь едет на свою новую родину, и поэтому леди Бофорт попросила, чтобы вы следили за соблюдением этикета на всем пути следования королевского кортежа. Мы очень боимся отпускать вас на такой долгий срок, но вынуждены признать, что королева-мать права. Раз выпала такая благоприятная возможность, все должно быть сделано в соответствии с исторически сложившейся традицией. Учитывая ваш некоторый опыт по части дипломатии, а мы знаем, что ваш покойный супруг, лорд Уолсингхем, обучал вас премудростям этой науки, мы одобрили выбор, сделанный нашей благородной матушкой.

– Б... благодарю вас, ваше величество, – запинаясь, пробормотала Франсин.

Отступив на шаг, она подняла голову и встретила взгляд предводителя горцев. Великан смотрел на нее пронизательными изумрудными глазами. Пытаясь подавить страх, который сковал все ее тело, женщина задержала дыхание. Она где-то слышала о том, что волшебники могут заколдовать ничего не подозревающего человека одним только взглядом, и поэтому быстро отвела глаза.

Колдун.

Чародей, наделенный способностью менять свое обличье.

Неужели Лахлана Мак-Рата, предводителя клана горцев, с раннего детства обучали черной магии? Английские моряки уверяли, что, как только на горизонте появляется его корабль, все боги морских глубин, словно сговорившись, поднимают шторм и бурю, пытаясь уничтожить их несчастные корабли.

Стоявший возле нее лейрд Кинрат казался сказочным великаном. Франсин и сама была довольно высокой – выше среднего роста по меркам, определенным для женщин, поэтому высокие, атлетически сложенные мужчины никогда не вызывали у нее страха. Однако плечи горца были так широки, что за ними не были видны его соплеменники.

От шотландца веяло такой первозданной, необузданной дикостью, что Франсин захотелось убежать из зала. Она с большим трудом подавила этот порыв. Чувствовалось, что перед ней стоит решительный, волевой мужчина с твердым характером. Казалось, что он запросто может подчинить ее своей воле, стоит ему лишь щелкнуть пальцами. Или произнести магическое заклинание.

Женщина не сомневалась в том, что ему не раз приходилось вступать в рукопашную схватку с врагами. «Интересно, сколько моих несчастных соотечественников полегло от его руки во время сражений?» – с ужасом подумала она.

Франсин стиснула зубы, пытаясь побороть испуг и ругая себя за робость и малодушие. Она ни за что не допустит, чтобы извечный враг ее страны увидел ее страх.

Она – англичанка.

Она сильная.

Она смелая.

И она дрожит как осиновый листок, едва держась на ногах...

Господи, неужели этот кровожадный шотландский вождь будет охранять ее?! Что за странная ирония судьбы! Ей крупно повезет, если он не убьет ее, пока она будет спать. Но сначала превратит в жабу...

Франсин вспомнились истории, которые рассказывал ей сокольничий Фингус, где кельтские волшебники превращались в разных людей и даже в неодушевленные предметы. Неужели Мак-Рат тоже может менять свое обличье?!

Кем же он может стать?

Драконом?

Или морским чудовищем?

Женщина закусилла нижнюю губу, понимая, что ей сейчас лучше молчать, так как ничего членораздельного она произнести не сможет.

Король Генрих снисходительно, по-отечески, погладил руку Франсин, не подозревая о том, как бешено бьется ее сердце.

– Так как вам придется все время выезжать раньше основного кортежа и ехать впереди него, – продолжил Генрих свою речь, – то мы попросили короля Джеймса выбрать клан горцев, воины которого отличаются особой силой и храбростью, для того чтобы они стали вашим почетным караулом. Лейрд Кинрат со своими соплеменниками будет сопровождать вас и вашу свиту, обеспечивая охрану.

Если Генрих Тюдор не заметил, насколько напугана Франсин, то Кинрат моментально это почувствовал.

Его губы расплылись в довольной усмешке, а в глазах загорелись озорные огоньки. Он низко поклонился, очевидно, надеясь поцеловать ее руку.

Ну уж нет, слишком много чести для него.

Она скорее умрет, чем позволит ему сделать это.

Стоило ей только представить, что она кладет свои дрожащие пальцы на его широкую ладонь, как у нее моментально сбилось дыхание.

Несмотря на сильное замешательство, фрейлина все-таки вспомнила о том, что ее покойный супруг не верил в существование ни белой, ни черной, ни какой-либо другой магии. Матиас не раз говорил ей, что граф Кинрат – простой смертный и не обладает никакими сверхъестественными способностями.

Однако Матиас никогда не жил в горах Шотландии. Он даже ни разу там не был. А Фингус Маккей родился на острове Малл и провел там детство и юность. Поэтому он хорошо знал легенды о кельтских волшебниках.

Черт бы побрал этого Кинрата! Почему одно его присутствие так волнует ее, заставляет трепетать от страха? Если этот человек, Господи прости, всего лишь посол иностранного государства при английском дворе, то не такая уж он важная персона по сравнению с принцами и монархами, которые часто гостили у ее покойного супруга и которых ей как хозяйке дома приходилось развлекать.

И уж точно никакой он не волшебник.

Несмотря на такое явное проявление неуважения, даже грубости с ее стороны, Кинрат заговорил с ней весьма учтиво. Мягким, вкрадчивым голосом. Его легкая, приятная картавость ласкала слух, завораживала, и женщина почувствовала, как замерло ее сердце.

– Леди Уолсингхем, – мягко произнес шотландец, – можете всецело довериться мне. Уверю, вы будете в надежных руках.

Услышав эти слова, Франсин вздрогнула и подозрительно покосилась на него. Как такую галантную фразу можно было снабдить таким пикантным подтекстом? Да еще и говорил он с такой наглостью, с такой неслыханной самоуверенностью... Этот проклятый шотландец источал какой-то необъяснимый, подлинно мужской шарм. Возможно, имея дело с доверчивыми и наивными женщинами, он и прибегает к помощи черной магии... Неужели он в самом деле соблазнил и обесчестил десятки невинных девушек, наложив на них любовное заклятие? Но так поступают только отпетые негодяи и подлецы!

– Вы невероятно добры ко мне, сир, – ответила Франсин, мысленно молясь, чтобы король не заметил, как дрожит ее голос. – Однако я и сама могу позаботиться о себе.

Она спокойно встретила наглый, дерзкий взгляд шотландца, давая ему понять, что уловила скрытый смысл его слов, но совершенно не боится. Если он решил, что и ее, как какую-нибудь глупую, впечатлительную девицу, можно подчинить своей воле с помощью волшебства, то пусть знает, что сделать это будет ох как непросто.

Если Франсин сразу догадалась о его намерениях, то король, похоже, ничего не понял. Вместо того чтобы разоблачить злой умысел шотландца, он снова обратил свое внимание на фрейлину. Положив руки ей на плечи, король нежно привлек к себе женщину. Его карие глаза смотрели на Франсин с теплотой и нежностью.

– Многие из наших прекрасных дам останутся в Шотландии с принцессой Маргарет. Однако мы хотим, чтобы вы, дорогой друг, вернулись к нашему двору сразу после свадебной церемонии. Мы будем считать дни до вашего возвращения.

Улыбнувшись в ответ, Франсин присела в глубоком реверансе.

– Я тоже, ваше величество, – ответила она.

Зимой, после того как умер муж Франсин, Генрих и его супруга королева проявили искреннюю заботу о ней. Матиас Гренвилль был министром иностранных дел Англии. Из всех членов Тайного совета больше всего король уважал и ценил именно его. Вскоре во время родов умерла Елизавета Йоркская, а случилось это всего четыре месяца назад, и Франсин разделила безутешное горе своего сюзерена, так как искренне любила королеву за доброту и сердечность. Эти две смерти, не столь отдаленные по времени одна от другой, способствовали сближению монарха и вдовы старейшего из его государственных мужей-

политиков. Между ними возникла некая духовная связь. Боль утраты, которую они понесли, была глубокой и неподдельной, так как оба они любили своих покойных супругов.

– Нам следует на время забыть о нашем горе и снять траурные одежды, чтобы показать всем, как безмерно рады мы тому, что наша маленькая принцесса выходит замуж, – продолжал король. – Думаю, что наша возлюбленная королева хотела бы, чтобы мы поступили именно так.

Опустив глаза, Франсин посмотрела на свое серое и унылое шерстяное платье. Все придворные, кроме нее, облачились в свои самые роскошные наряды. Господь свидетель, последние полгода она носит это уродливое вдовье одеяние не только в память о своем покойном супруге, но еще и для того, чтобы защитить себя.

Однако она не может пойти против воли короля, которую он так ясно выразил.

– Как прикажете, ваше величество, – спокойно ответила Франсин.

– Вот и замечательно! – радостно воскликнул король. – Мы надеемся, что на праздник, который состоится сегодня вечером, вы придете в своем самом красивом платье.

Лахлан с интересом наблюдал за трогательной сценой, которая разыгрывалась на глазах у всего английского двора. Генрих Тюдор еще ближе привлек к себе леди Уолсингхем и, по-дружески расцеловав ее в обе нежные щеки, отпустил.

Тысяча чертей!

Неужели они любовники?!

Генрих даже не пытался скрыть, что питает нежные чувства к молодой вдове. Она действительно настолько красива, что может снискать расположение монарха.

Черт возьми, разве за всю историю человечества была хотя бы одна женщина, которая осмелилась отвергнуть любовь короля?

Почувствовав, как больно сжалось сердце, он моментально взял себя в руки. В конце концов, какое ему дело до того, является ли прелестная графиня фавориткой Генриха или нет? Всем известно, что английские женщины обожают заводить амурные интрижки. Любой мужчина, у которого есть в голове хотя бы одна извилина, знает, что прелестные карие глазки запросто могут раньше времени свести в могилу одурманенного любовью простака.

Если выяснится, что леди Уолсингхем – любовница короля, то у Лахлана хватит ума поискать себе подружку, которая будет согревать его постель во время путешествия на родину, где-нибудь в другом месте. Он приехал в Англию в качестве официального представителя шотландской короны, и ему совершенно не хочется оказаться в Тауэре за любовную связь с королевской фавориткой. К тому же Джеймс Стюарт, узнав об этом, вряд ли обрадуется. Ведь такой громкий скандал может расстроить его свадьбу и нанести глубокое оскорбление его высокородной невесте-принцессе.

Покидая свою любимую Шотландию, в которой ему так легко и спокойно жилось, Лахлан отлично понимал, что может вляпаться в какую-нибудь неприятность.

Появиться при английском дворе – это все равно что с завязанными глазами вступить в змеиное гнездо. А ему никогда не нравилось играть в жмурки. Даже в детстве.

Глава вторая

Свечи, а их было не меньше тысячи, заливали ярким светом банкетный зал дворца Колливестон. Во всем была видна любовь Тюдоров к роскоши: все вокруг блестело и сверкало. Находясь в дальнем конце комнаты, Лахлан Мак-Рат с восхищением и завистью разглядывал окружающее его великолепие.

– Если вся эта роскошь нужна Генриху для того, чтобы поражать приезжающих к нему иностранных послов, то, должен признать, ему это прекрасно удастся, – прошептал он, обращаясь к Гиллескопу Керру, который сидел за столом возле него.

– Королевская роскошь – довольно важный атрибут, с помощью которого монарх может показать, насколько твердо он сидит на троне, – понизив голос, ответил граф Данбартон. – Генрих прекрасно понимает, что помпезная демонстрация богатства помогает подчеркнуть, что право управлять страной даровано ему Богом и власть он получил законным путем. Он не забыл об этом, даже когда выделял приданое своей дочери, проявив невиданную щедрость.

– И надо полагать, все прекрасные дамы королевства с удовольствием слушают рассказы о щедрости монарха, – сказал Лахлан.

– Наверное, – согласился Данбартон, едва заметно усмехнувшись.

Музыканты сидели на деревянной галерее, которая находилась под самым потолком и тянулась вдоль всего зала. Слушая льющие сверху нежные звуки лир, гитар и арф, гости непринужденно беседовали друг с другом.

За главным столом, стоявшим на возвышении, под золотым балдахином сидели Генрих Тюдор и его старшая дочь Маргарет, невеста короля Шотландии Джеймса. Рядом с юной принцессой, словно гора, восседала ее бабушка, леди Маргарет Бофорт, графиня Ричмонд.

Вблизи главного стола, за другим столом, между послами Франции и Испании сидела леди Франсин, вдовствующая графиня Уолсингхем.

С того места, где находился Лахлан, был довольно плохой обзор, и он не видел весь зал. Шотландец нахмурился, наблюдая за тем, как оба дипломата буквально из кожи вон лезут, стараясь привлечь внимание молодой вдовы. Черт возьми! В своих пышных блестящих одеждах они были похожи на двух попугаев.

Несмотря на то что по залу постоянно сновали слуги, мешая ему, Лахлан не мог оторвать глаз от леди Франсин, едва сдерживая свое восхищение. Исчезло бесформенное платье, которое было на ней утром. Теперь она облачилась в светло-лиловый наряд с туго зашнурованным белыми лентами корсажем. Ее тонкую талию подчеркивал пояс от атласной юбки, спадающей мягкими складками. В отличие от уродливого головного убора, из-под которого не видно было ни единого волоска, сейчас ажурная сетка, украшенная бриллиантами, кокетливо подмигивающими всем мужчинам, находившимся в зале, полностью открывала ее блестящие золотисто-каштановые волосы.

Если король действительно был ее любовником, то он чертовски счастливый мужчина: эта английская вдова, эта светловолосая леди с карими глазами – настоящее чудо природы.

Сокрушенно вздохнув, Лахлан отвернулся, снова посмотрев на тех, кто сидел за его столом, и встретил понимающий взгляд Гиллескопа.

– Тот, кто отвечал за размещение гостей и определял, кто за каким столом будет сидеть, похоже, недостаточно хорошо знает придворный этикет, – заметил граф Данбартон.

Лахлан согласно кивнул в ответ. Так как они являются официальными послами, представляющими Джеймса IV, и к тому же каждый из них имеет титул шотландского графа, их должны были посадить рядом с королевским столом.

– Вполне справедливое замечание, – ответил он. – Ведь высокие иностранные гости обычно сидят на самых почетных местах, то есть во главе стола.

– Господи, я думаю, что он его вообще не знает, – посетовал Колин Мак-Рат. – Иначе нас бы не засунули в самый конец зала, как кучку каких-нибудь голландских фермеров.

Лахлан усмехнулся, увидев, что его двоюродный брат сердито нахмурил брови.

– Ты, парень, сидишь возле страшного шотландского пирата, – напомнил он ему, похлопав того по плечу. – Скажи спасибо, что мы ужинаем в зале, а не в гардеробной.

– И еще нужно поблагодарить за то, что нам не подсунули отравленное мясо, – лукаво усмехнувшись, добавил Касберт Росс, сидящий рядом с Колином.

– Господь всемогущий! – воскликнул Колин, судорожно глотнул изрядное количество эля и оттолкнул от себя тарелку. Он побледнел, и стали отчетливо видны крупные, похожие на медные монеты веснушки, которыми был усыпан весь его нос, напоминавший огромный орлиный клюв.

Его испуганное лицо было таким забавным, что все соплеменники Мак-Рата, сидевшие за столом, дружно захохотали.

– Ты просто слабоумный придурок, прости Господи, – крикнул Уолтер Мак-Рат, отец Колина, который сидел в дальнем конце стола. – Ты сожрал половину жареного поросенка и залил все это тремя кружками эля. Если бы еда была отравленной, ты бы сразу откинул копыта, и сейчас тебя бы уже черти в аду жарили.

Возмущенный Колин вскочил с места, сжав свои огромные кулаки. Он был почти таким же высоким – без малого два метра, – как и лейрд, хотя и на целых пять лет младше. Тощий как жердь и упрямый, словно деревенский осел, он принимал вызов всех претендентов на победу во всех мужских забавах. Он мог бросить тяжелый камень на расстояние, равное полету стрелы, и в считанные секунды свалить на землю парня в два раза крупнее, чем он сам. На поле боя Колин вел себя как одержимый, орудовал мечом, словно косил траву. Однако стоило к нему подойти какой-нибудь хорошенькой девушке, как у него от смущения начинал заплетаться язык, и из-за этого старшие соплеменники часто подшучивали над ним.

– Эй, парень, успокойся. Сядь и доешь то, что осталось у тебя в тарелке, – сказал Берти и помахал ножом так, словно просил прощения. – Не стоит волноваться по пустякам, мальчик. Нам всем здесь не нравится, однако я не думаю, что англичане пригласили нас на ужин для того, чтобы отравить.

Колин смущенно улыбнулся и медленно опустился на стул. Пригладив рукой свои ярко-рыжие кудри, он втянул голову в шею, уткнувшись подбородком в кружевной воротник.

– Ладно, – сказал он, разглядывая скатерть. – Да я, по правде говоря, и не поверил тебе.

Его слова вызвали веселый смех и добродушные улыбки. Улучив момент, Лахлан решил поговорить с Гиллескопом.

– Похоже, не нам одним не нравится угощение, – усмехнувшись, сказал он полушепотом. – Глядя на леди Уолсингхем, можно подумать, что она увидела в своем бокале таракана. Данбартон засмеялся:

– Наверное, графиня тоже поняла, что оба посла будут добиваться свидания наедине.

– Или, может быть, она пытается переключаться с француза на испанца и обратно, чтобы не упустить ничего из их трехсторонней беседы, и ей от этого не по себе.

– Не думаю, – уверенно покачал головой Данбартон. – Леди Уолсингхем великолепно знает придворный этикет. Ее супругу часто приходилось устраивать в своем доме приемы для высоких иностранных гостей, и его юная жена всегда ему помогала.

– И на сколько же он был старше своей жены?

– На пятьдесят лет. Покойный граф отошел в мир иной этой зимой. Ему было семьдесят два года.

– И почему меня, черт возьми, удивляет такая большая разница в возрасте, – раздраженно процедил Кинрат. – Английские дворяне часто продают своих дочерей тому, кто предлагает самую высокую цену.

– Ты прекрасно знаешь, что шотландцы тоже так поступают.

Лахлан вынужден был согласиться. Но он подумал о том, что девушка с такими прекрасными глазами смиренно позволила забрать себя из отчего дома какому-то похотливому негодяю, и брезгливо поморщился. Это было в высшей степени отвратительно.

– Должно быть, она вышла за этого старого козла из-за его титула и денег.

– Старого козла? – возмущенно проворчал Данбартон. Он сделал вид, что сердится, но его глаза подозрительно заблестели. – Я не считаю себя «старым козлом», а мне сейчас столько же лет, сколько было Уолсингхему, когда он женился.

– К присутствующим здесь джентльменам это, конечно, не относится, – примирительно помахав рукой, сказал Лахлан.

– Когда мы вели переговоры по поводу свадьбы нашего короля и обсуждали условия заключения мирного договора между нашими странами, – продолжал Данбартон, – я несколько раз гостил в их лондонском доме. Должен признаться, у меня создалось впечатление, что они были искренне привязаны друг к другу. Граф с теплотой и нежностью относился к своей супруге. Казалось, что для него нет ничего важнее в жизни, чем доставлять удовольствие своей юной жене.

– О-о, старик, наверное, просто потерял голову от любви, – сказал Лахлан, язвительно усмехнувшись.

– Вернувшись в Англию, я узнал о том, что во время смертельной болезни мужа графиня неотлучно находилась у его постели, ухаживая за ним, – добавил Гиллескоп, равнодушно пожав плечами. – Похоже, она тоже испытывала к нему нежные чувства.

Лахлан нахмурился. То, что он услышал, совершенно не соответствовало его представлению об английской аристократии. В особенности о женской половине этой зловредной нации.

– Черт, да ведь еще со времен Адама и Евы известно, что женщины прекрасно умеют притворяться, изображая любовь, – сказал он.

– Тебе всего тридцать лет, а ты рассуждаешь, как дряхлый, уставший от жизни старик, – заметил Данбартон, удивленно выгнув свою седую бровь.

– Да, жизнь меня потрепала. Она, как известно, суровый учитель, – спокойно ответил Лахлан, дернув плечом.

После банкета должно было начаться театральное представление. Франсин, сидевшая между двумя иностранными послами, глубоко вздохнула и попыталась взять себя в руки и успокоиться. Она вполуха слушала, о чем говорили мужчины за ее столом, так как думала о той веселой пьеске, которую написала для вечернего представления.

Пьеса была задумана ею до того, как произошло знакомство с графом Кинратом, более известным в Англии как Чародей Моря. Ну почему, почему никто ей не сказал, что он будет при дворе?! Почему она узнала об этом только сегодня утром?

Ей совершенно не хотелось, чтобы из-за нее разразился скандал между Англией и Шотландией, который может поставить под угрозу срыва недавно подписанный мирный договор. Ведь ее покойный супруг приложил столько усилий для того, чтобы он был заключен.

Посол Испании при дворе Тюдоров дон Хавьер де Айала, который сидел возле Франсин, каждый раз, когда что-то хотел сказать ей, слишком близко придвигал свои тонкие губы к ее уху, и это раздражало женщину. Ей хотелось отодвинуться от назойливого джентльмена, но с другой стороны сидел посол Франции, весьма дородный мужчина, занимающий довольно много места.

Сердце Франсин так часто билось, что она прижала ладонь к груди, пытаясь успокоить его. Она вынуждена была признать, что особо не задумывалась над содержанием смешной пародии, которую написала для Главного королевского комедианта. Ей просто хотелось немного повеселить двор и доставить удовольствие иностранным гостям.

Это было до того, как она познакомилась с предводителем горцев.

Женщина даже не подозревала, что им окажется ужасный Лахлан Мак-Рат, поэтому и написала эту глупую комедию.

Сначала отец, когда она была еще ребенком, а потом и Матиас, когда она стала его женой, предупреждали Франсин, что в присутствии незнакомых людей не стоит проявлять свойственные ее натуре упрямство и своеволие.

Почему же она не последовала их совету?

Интересно, как ей может отомстить волшебник за столь серьезное оскорбление? Может, на всю оставшуюся жизнь превратит ее в кошку?

Осторожно повернув голову в сторону дальнего конца зала, Франсин увидела, что граф Кинрат смотрит на нее, грозно сдвинув брови.

Господи, спаси и сохрани!

Если он уже сейчас так зол, то что будет после того, как закончится представление?!

Франсин не понимала, за что он сердится на нее. Она не сказала ему ни единого слова, после того как утром король представил их друг другу...

При мысли о том, что он может сделать, ее охватил ужас. Если разгневанный Кинрат как личный представитель шотландского короля потребует извинений английского монарха, то отвечать за все придется именно ей. Закусив губу, Франсин погрузилась в размышления. Ей хотелось понять, есть ли у этого шотландца хотя бы что-нибудь, отдаленно напоминающее чувство юмора, а также как к нему относится король Джеймс.

По правде говоря, этот страшный шотландец не единственный, кого может обидеть вечернее представление. В ее произведении имелась еще и пародия на Личестера. И о чем она только думала?! Неужели она не понимала, что рискует навлечь на себя гнев такого влиятельного и невероятно мстительного человека? Франсин позволила эмоциям взять верх над разумом, так как с детства питала стойкое отвращение к этому парню, живущему по соседству.

Франсин очень не хватало покойного супруга, который оказывал на нее благотворное влияние. Он все время повторял ей, что нужно уметь сдерживать свои чувства. Однако когда дело касалось Эллиота Броума, второго маркиза Личестера, даже Матиасу не удавалось скрыть, насколько он презирает этого человека.

Кроме тех, кто играл в спектаклях, лишь несколько человек знали о том, что в Ричмонде и Уайтхолле все маскарады, все театральные представления – словом, все увеселительные мероприятия для гостей королевского двора – создаются под непосредственным руководством Франсин. Но никто и не подозревал, что она лично писала некоторые диалоги, стихи и мадригалы. Матиас, конечно же, знал об этом и всячески поощрял ее, как он говорил, «драматургические способности». Однако ее защитник, которого она так любила, отошел в мир иной. Впрочем, как и королева, которой тоже очень нравились театральные представления, устраиваемые Франсин.

Только король Генрих и его верный слуга Чарльз Берби, Главный королевский комедиант, знали, какая часть сегодняшнего спектакля создана богатым воображением вдовствующей графини Уолсингхем.

Боже милостивый, будь что будет... Ведь все равно уже ничего нельзя изменить. Гости притихли и с нетерпением ждут начала представления.

Первыми вышли акробаты; они прыгали по залу, взлетали вверх. Труппа мускулистых красавцев цыган удивляла публику своим мастерством и изяществом. Потом появились

актеры в масках и карнавальных костюмах. Их забавные выходки вызывали у дам приступы смеха, джентльмены же выражали свое одобрение, хлопая ладонями по коленям.

Потом была небольшая пауза, и зрители взволнованно перешептывались в ожидании следующего номера программы. Десять толстых телохранителей короля с помощью золотых канатов втянули в зал по дорожному дубовому паркету огромную повозку. На ней стоял причудливый замок с позолоченными арками, резными башнями и десятью окнами с деревянными ставнями.

Над каждым окном была дощечка с названием одной добродетели, например, Терпение, Скромность, Целомудрие. Стены замка были украшены розовыми и красными розами, белыми лилиями, темно-лиловой сиренью и вьющейся бледно-желтой жимолостью. Зал наполнился сладким ароматом цветов. Между листьями располагались муляжи экзотических птиц с ярким оперением; бабочки и пчелы собирали мед с цветочных головок.

С галереи, где сидели музыканты, громко заиграла труба, охранники в униформе открыли ставни, и в окнах появились десять прекрасных девушек. Послышался восторженный шепот зрителей. Все узнали в этих девушках незамужних дочерей придворной английской знати, присутствующей этим вечером в зале. Родителям понравилось, как красиво смотрелись их чада, и на их лицах появились довольные улыбки.

Юные девицы благородных кровей, одетые в длинные светлые древнеримские туники, сидели на подоконниках, покрытых стегаными ковриками. У каждой в руках была кифара или лира. Их волосы, собранные на затылке с помощью гребней, отделанных драгоценными камнями, ниспадали на спины каскадами локонов.

Все девушки хранили молчание и к музыкальным инструментам не притрагивались. Они сидели, словно застывшие, не шевелясь и не разговаривая.

Увидев это необычное зрелище, зрители зааплодировали.

На самой верхней башне замка появился златокудрый ангел, за спиной у него были крылья из перьев, а над головой светился нимб. Это была леди Констанс, старшая дочь герцога Эссекса. Широко раскинув руки, она обратилась к сидевшим в зале зрителям, которые с интересом наблюдали за происходящим.

– О, дорогие джентльмены и высокородные дамы! – воскликнул Ангел Любви. – Я умоляю вас помочь мне освободить этих прекрасных девушек! Каждую из них заточили в круг молчания. Они больше не могут ни петь, ни играть на музыкальных инструментах. Эти несчастные обречены на неподвижность и ждут, когда придет отважный герой и освободит их.

Зрители, сидевшие за столами, с любопытством переглядывались, пытаясь угадать, кто будет тот храбрец, который решится освободить девушек.

Однако у ближайшей двери вместо галантного кавалера появился дьявол в кроваво-красном одеянии, с рогами и хвостом. В руке он держал длинные вилы и угрожающе размахивал ими в сторону зрителей.

– Никто из презренных людишек не сможет освободить этих благородных девиц, – закричал он страшным рокошущим голосом. – Я – Люцифер, повелитель преисподней. Если какой-нибудь глупый смертный придет сюда, чтобы спасти их, я утащу его, кричащего и умоляющего о пощаде, прямо в Ад.

– Постой! – раздался из дальнего конца зала звонкий мужской голос. – Я спасу этих прекрасных девушек. Я стану их рыцарем в сверкающих доспехах!

Все как один зрители повернулись и увидели королевского шута, карлика Реджинальда. Тот был в черном парике, с козлиной бородкой, в шлеме и рыцарских доспехах, сбоку висел палаш, который громко тарахтел при ходьбе. Он, гордо вышагивая, прошел в зал. На его огромном щите была изображена геральдическая эмблема: волк, злобно рыча-

щий на испуганную овцу. Если убрать овцу, то это изображение можно было принять за герб маркиза Личестера. Во всяком случае сходство было весьма очевидным.

Когда зрители поняли, на кого похож этот воин, по залу прокатился громкий смех. Им не терпелось узнать, сможет ли крошка рыцарь, изображавший гордого маркиза, победить Люцифера.

Сидевший в дальнем конце зала Лахлан снова перевел взгляд на графиню Уолсингхем. Ему больше нравилось смотреть на ее живое, выразительное лицо, чем на забавный фарс, который разыгрывали в банкетном зале. Он был очень удивлен, увидев, что леди Франсин, прикрыв рукой лицо, осторожно высматривает кого-то сквозь раздвинутые пальцы. В ее глазах он заметил тревогу, когда она посмотрела на джентльмена с прямыми черными волосами и короткой, аккуратно подстриженной бородкой, который сидел недалеко от нее. Этот мужчина смотрел на придворного шута, злобно сверкая глазами. Его смуглое лицо покраснело от гнева, а туго сжатые кулаки готовы были ударить по столу с белоснежной скатертью.

Что за чертовщина, такого просто не может быть!

Лахлан вспомнил, кто этот сердитый джентльмен.

Несмотря на то что шотландец видел маркиза Личестера восемь лет назад, он сразу узнал этого хладнокровного убийцу, который лишил жизни своего юного соотечественника на пустынном после битвы поле в Чевиот-Хилсе.

Лахлан снова перевел взгляд на прелестную вдову. Было понятно, что ей, так же как и Личестеру, не нравилась комедия, которую разыгрывали на сцене в банкетном зале. Она как зачарованная смотрела на свой бокал с красным кларетом, словно ожидая, что со дна всплывет ответ на трудную головоломку, которую никак не могла разгадать.

У Лахлана появилось какое-то странное чувство. Ему почему-то казалось, что вдовствующая графиня Уолсингхем знает, как будут развиваться события дальше и что должно случиться, когда королевский шут вступит в схватку с дьяволом. Она явно знала и то, какотреагирует на это Личестер.

– Я вас всех спасу! – снова крикнул Реджинальд. – Я не боюсь Сатаны!

Крошечный рыцарь помчался через зал к своему грозному врагу, размахивая короткими ручками. Пробегая мимо замка, он поднял голову и гордо помахал рукой юным девушкам и тут же, споткнувшись о свой палаш, упал на пол лицом вниз, растянувшись во весь рост. Металлический нагрудник громко лязгнул, а щит покатился по паркету. Его поймал стоящий рядом и весело смеющийся широкоплечий мужчина. Изображая страдание, Реджинальд катался по полу, схватившись руками за грудь и издавая забавные стоны.

Отовсюду раздавались радостные крики зрителей. Однако они сразу стихли, как только Люцифер с жутким воем выпрыгнул в центр зала. Он начал танцевать вокруг лежащего ничком героя, пытаясь проткнуть его острыми вилами.

– Вот тебе, маленький дурачок! – вопил он. – Я тебе преподам хороший урок! Ты будешь знать, что нужно бояться настоящего беса!

Проворно вскочив на ноги, Реджинальд увернулся от смертельного удара. А потом, к удивлению дьявола, маленький рыцарь набросился на него со своим огромным мечом, направив его прямо в колено своего противника. Он наносил Люциферу удар за ударом по коленям и лодыжкам. Музыкант на галерее бил в барабан, дьявол прыгал по кругу, публика кричала от восторга.

Кончилось все тем, что испуганный Люцифер убежал из зала, завывая от боли и гнева.

Злые чары были разрушены, и десять девушек, сидевшие на окнах замка, поднялись на ноги и послали Реджинальду воздушные поцелуи.

– Ты наш Ланселот! – кричали они ему. – Ты наш спаситель и теперь можешь выбрать себе одну из нас в невесты.

Пока шут отвешивал витиеватые поклоны своим благодарным зрителям, в зал влетели еще два злых духа. Схватив рыцаря за руки, они утащили его, истошно вопящего, из зала.

Лорды и леди еще не успели отреагировать на неожиданное исчезновение героя, как из противоположного конца зала раздался громкий топот ног, сопровождаемый заунывным воем волынки и боем барабанов.

Бодро маршируя, в зал вошли десять шотландцев. Сразу стало понятно, что это переодетые в пледы и береты цыганские акробаты. Их высоченный предводитель в ярко-рыжем парике возвышался над остальными, так как шел на ходулях. На его тощих ногах были клетчатые гольфы.

— Мы, хр-р-рабрые и кр-р-репкие шотландцы, возьмем в жены этих милых девушек, — заявил предводитель, безбожно картавя. — А самая кр-р-расивая из них станет моей невестой.

Зал буквально взорвался от смеха. Франсин, упершись локтями в стол, закрыла лицо ладонями. Слегка раздвинув пальцы, она осторожно посмотрела в зал и увидела, что на нее, подозрительно прищурившись, смотрит Лахлан Мак-Рат.

Да, он смотрел прямо на нее.

Господь всемогущий, спаси и сохрани...

При всех своих пороках и недостатках этот проклятый Чародей Моря был, однако, достаточно умен и прозорлив.

Глава третья

Франсин удивленно ахнула, увидев, что граф Кинрат и его соплеменники добродушно смеются над переодетыми в костюмы шотландских горцев акробатами, которые маршировали вокруг волшебного замка.

Да, сейчас шотландцы смеются.

Но будут ли они смеяться, когда спектакль закончится? Если в приступе ярости они устроят скандал, то могут кого-нибудь покалечить или даже убить.

Ни один англичанин, кроме телохранителей короля, не посмеет в присутствии монарха вытащить свой меч, так как за это могут обвинить в государственной измене. А взбешенные от злости шотландцы способны совершить такое безрассудство? Если да, то кровавой бойни не избежать. После этого аннулируют брачный контракт, заключенный между шотландским монархом и английской принцессой, а Договор о вечном мире, заключенный между двумя королевствами, будет навсегда разорван.

И она, Франсин Гренвилль, вдовствующая графиня Уолсингхем, скорее всего, всю оставшуюся жизнь проведет в Тауэре. Ее прелестная, чистая и непорочная, как ангел, дочь Анжелика останется нищей сиротой, так как все имущество – движимое и недвижимое – человека, осужденного за уголовное преступление, обычно отходит королю.

Если случится самое страшное, то Франсин наверняка не удастся доказать свою невиновность. Нет, только она, и никто другой, будет виновата в том, что кто-то лишится жизни или какой-нибудь части тела.

Даже будучи ребенком, она ни разу не позволила себе увильнуть от ответственности, если из-за ее неосторожности или неблагоразумия случалось что-то плохое, а это бывало довольно часто. Это ее сестра Сесилия всегда была образцовым ребенком – понятливым и послушным.

До неприличия своенравная и упрямая, Франсин испытывала терпение своего отца (упокой Господь его душу!) до того самого дня, пока ее супруг не взял на себя ответственность за ее хорошее поведение и приличные манеры. Но Матиас был даже более снисходительным и терпимым, чем лорд Пармер.

«Если жалеть розги, то ребенок вырастет непослушным и избалованным», – после каждого возмутительного случая предупреждали отца соседи. И вот теперь все несчастья, которые они предсказывали, повисли над головой Франсин черной грозовой тучей.

Леди Уолсингхем закрыла глаза.

«Господь милосердный, Отец наш небесный, – мысленно молилась она, – если ты спасешь меня от этой катастрофы, то я обещаю... Я обещаю, что никогда больше не буду совершать глупости. И пожалуйста, сделай так, чтобы он не превратил меня в кошку. Ты знаешь, о ком я говорю. Аминь».

Господь, в силу своей мудрости, не стал, однако, вмешиваться и не сделал ничего для того, чтобы предотвратить надвигающееся несчастье. Он просто позволил спектаклю и дальше следовать сюжету, сочиненному Франсин.

Ангел Любви, роль которого великолепно играла леди Констанс, стоял на зубчатой башне замка. Он махнул рукой, давая понять, что не стоит спешить.

– Не торопитесь, шотландцы! – крикнул Ангел. – Это не вы разрушили чары Вельзевула! Наш храбрый защитник сэръ Реджинальд заслужил право назвать самую красивую девушку своей невестой, а не ваш предводитель, хотя он и чертовски красивый парень.

Услышав слова Ангела, псевдошотландцы – они были в черно-белых килтах, из-под которых торчали длинные, затянутые в узкие чулки ноги, с пледами, брошенными на плечи и пристегнутыми к атласным жилетам, – начали смеяться и презрительно фыркать.

Сверкая своими черными цыганскими глазами, они важно расхаживали по залу, уперев руки в боки.

– Ты не можешь лишить нас заслуженной награды, – крикнул их предводитель, который по-прежнему балансировал на ходулях, сидевшему на башне серафиму. – Если будет нужно, мы сможем взять силой то, что нам причитается.

Услышав угрозу лейрда шотландцев, все девицы испуганно охнули и отскочили от окон.

– Дорогой Ангел, пожалуйста, спаси нас от этих злобных существ! – взмолились они.

– Не будьте такими глупыми! – воскликнули шотландцы, насмешливо переглядываясь. – Мы никуда не уйдем без своих невест и будем стоять здесь до тех пор, пока вы не сдадитесь.

Сбившись в кучу, они стали перешептываться, составляя план действий, потом, издав громкий воинственный крик, высоко подпрыгнули над дубовым паркетом, как будто их выпустили из катапульты, и сделали несколько кульбитов. Демонстрируя великолепное мастерство и силу, некоторые из них в высоких прыжках зависали в воздухе над своими кувыркающимися товарищами, а потом, приземляясь, делали несколько кувырков вперед. Другие, прижав одну руку к телу, крутили «колеса»⁵ и, пролетая над полом, вращались вокруг своей оси. Остальные же в это время ходили на руках.

– Все на штурм замка! – наконец приказал их предводитель.

По его команде акробаты начали карабкаться вверх по вьющемуся по стенам замка плющу. Трое, стоя друг у друга на плечах и образовав таким образом пирамиду, пытались добраться до самых верхних окон замка. Но когда мужчины начали подниматься вверх, престелные девы поняли, что никто не придет им на помощь, и решили спасаться самостоятельно.

Они весело смеялись, забрасывая нападающих апельсинами и финиками, и их нежный, мелодичный смех отдавался гулким эхом под высоким сводчатым потолком. Сражаясь так же храбро, как защитники осажденных английских замков, они швыряли инжир и конфеты, пытаясь отразить атаку шотландских разбойников.

Фрукты и сладости градом летели на головы и плечи цыганских акробатов. Но вот они, спрыгнув со стены, сделали в воздухе несколько переворотов и приземлились на паркет. Зрители наградили их бурными аплодисментами за мастерство, ловкость и изящество исполнения номеров.

Пока длились овации, Франсин, улучив момент, слегка повернула голову так, чтобы ей был виден Кинрат, скосила глаза и осторожно посмотрела на него. Он громко и весело хохотал, впрочем, как и его соплеменники. Даже престарелый граф Данбартон не остался равнодушным и присоединился к всеобщему веселью. Несмотря на то что фарс, который разыграли артисты, был немного оскорбительным, никто из шотландцев, похоже, не обиделся.

Увидев, что они восприняли все вполне добродушно, Франсин облегченно вздохнула. И тут же замерла от страха, заметив, как шотландский лейрд, повернув голову, посмотрел на нее. Их взгляды встретились. Ей показалось, что он смотрел на нее с теплотой и пониманием. Так, словно им обоим была известна некая чудесная тайна.

Боже милостивый...

Он знал правду...

Но откуда?! Нет, такого просто не может быть.

И все-таки он все знал.

Так или иначе, но он как будто подзадоривал ее, заставлял признаться, что она не имеет к этой комедии никакого отношения, и в то же время смотрел на нее с удивлением.

⁵ Имеется в виду гимнастическое упражнение, сложный переворот. (Примеч. пер.)

Цыганские артисты, используя акробатические трюки, пытались добраться до девушек. Когда парни начали ломать подоконники, те принялись забрасывать их орехами. Пронзительно хихикая, прелестные дамы поливали парней из кувшинов розовой водой, и их якобы захватчики вынуждены были отступить.

Промокшие и обескураженные парни перегруппировались перед замком, а юные леди радовались своей победе и весело смеялись. Смеялись и смотревшие представление благородные господа и дамы.

И снова Франсин украдкой посмотрела на сидевшего в дальнем конце зала Кинрата. Шотландский лейрд и его соплеменники почти рыдали от смеха вместе с остальными зрителями. Они не сердились и не хмурились, глядя на то, как их изображают актеры, а вполне спокойно приняли такое добродушное подшучивание.

Когда смех наконец стих, Ангел Любви снова обратился к мнимому предводителю шотландцев:

– Теперь ты, шотландец, понял, что эти прекрасные создания тебе не достанутся? Ты должен отказаться от своих притязаний.

– Ничего подобного! – вызывающе заявил тот. – Нас не испугали те несколько метательных снарядов, которые бросили нам на головы. Кстати, примите нашу благодарность за ароматную воду. Как раз сегодня нам очень хотелось принять ванну.

– В таком случае, сэр, если вам будет угодно, мы можем пойти на небольшой компромисс, – осторожно предложило небесное создание. – Если вы больше не будете нападать на нас, то мы позволим вам, но только вам одному и больше никому, взять самую красивую девушку себе в жены.

– Я согласен! – крикнул он, даже не став советоваться со своими товарищами.

Пока его соплеменники возмущались, выражая недовольство громкими криками, их предводитель спрыгнул со своих ходулей и с важным видом направился к запертой двери замка, которая сразу же открылась. За ней стояла дородная, веселая дама почти такого же гигантского роста, как и сам лейрд.

Облаченная в ниспадающую свободными складками древнеримскую паллу, держа перед собой голубую вуаль, которой прикрывала свое лицо, эта леди вышла из замка, кокетливо покачивая бедрами.

Когда шотландский лейрд, подбежав к даме, страстно обнял ее, все десять окон замка сразу захлопнулись. Массивные деревянные ставни надежно укрыли непорочных юных дев от посягательств извне.

– Моя пр-р-рекрасная девочка, – сказал шотландец, пытаясь удержать свой трофей, который старался вырваться из его объятий.

Предводитель потянулся к девушке губами, но она резко уклонилась в сторону, и он поцеловал воздух, успев, однако, крепко вцепиться в ее вуаль. Когда же девушка вырвалась из его рук и вуаль упала, то все увидели красивое лицо чернобородого цыгана.

Глуповато улыбаясь, он хлопал своими густыми черными ресницами.

– О дорогой лейрд, – пропищал артист, подражая женскому голосу. – Ты сразил меня своей красотой и мужественностью. Клянусь, что буду тебе верной и послушной женой, буду во всем тебе угождать.

Шотландец с отвращением отшатнулся от нее.

– Да это просто наглое надувательство! – сердито закричал он, отталкивая от себя мужчину. Подняв голову, он посмотрел на ангела, сидевшего на башне замка, и погрозил ему кулаком: – Ты перехитрил меня! Какой же ты ангел, если способен на такой чудовищный обман?

– Я предлагаю тебе поискать невесту где-нибудь в другом месте, – ответила леди Констанс, застенчиво улыбнувшись. – Эти юные леди уже просватаны за прекрасных парней, которые живут в их родной стране.

Обманутые шотландцы, кипя от негодования, подхватили своего предводителя на руки и, подняв его над головами, вынесли из зала через открытую дверь.

Зрители провожали артистов шквалом аплодисментов. Родственники Мак-Рата хлопали в ладоши вместе с остальными, их раскатистый смех был слышен во всех уголках зала.

Франсин облегченно вздохнула и отвернулась, пытаясь укрыться от пронизательных глаз реального предводителя горцев. Кто бы мог подумать, что этот пират обладает таким удивительным чувством юмора!

Женщина прижала пальцы к вышитому толстыми золотыми нитями узору, украшавшему ее туго затянутую талию, и попыталась успокоиться. Она едва не задохнулась от радости, когда поняла, что ее жизнь вне опасности.

Наклонив голову, Франсин прочитала благодарственную молитву за свое чудесное спасение.

Господи, сохрани и помилуй!

Путешествие в Шотландию будет долгим. Просто невероятно долгим...

Сидевший за столом в дальнем конце банкетного зала Тюдоров Лахлан повернулся к своему кузену Колину, который сидел рядом.

– Узнай, как зовут того музыканта, что играл на волынке, – прошептал он, поднимаясь из-за стола. Наклонив голову, Кинрат добавил: – Только сделай это тихо, не привлекая внимания.

После театрального представления должен был начаться бал. Лакеи вынесли столы и стулья, музыканты на галерее заиграли знакомую мелодию. Это был басс – танец, которым всегда открывались официальные балы при королевском дворе. Все пары выстроились в ряд за королем Генрихом и его дочерью, принцессой Маргарет, в строгом соответствии с занимаемым при дворе положением и уровнем достатка, и торжественная процессия двинулась по тронному залу.

Гордо подняв голову и выпрямив спину, Франсин шествовала в паре с французским послом. Они плавно скользили по паркету, едва соприкасаясь пальцами рук.

Франсин попыталась осмотреться. Ей хотелось найти грозного шотландского пирата, но плечи тех, кто был впереди, мешали обзору, и пришлось вытянуть шею. Так как он был официальным представителем короля Шотландии Джеймса, его поставили в пару с бабушкой принцессы, леди Маргарет Бофорт, и он вел ее по залу.

К своему удивлению, Франсин заметила, что печально известный Мак-Рат выполнял фигуры величественного танца с легкостью, присущей настоящему мастеру, и при этом непринужденно беседовал с пожилой королевой-матерью. Леди Маргарет, которая всегда строго следила за соблюдением придворного этикета, смеялась и трещала как сорока, словно граф Кинрат был ее племянником со стороны Ланкастеров, которого она лишилась много лет назад.

Обернувшись через плечо и пытаясь найти леди Пемброк, она увидела, что та танцует в паре с Гиллескопом Керром, графом Данбартоном. Прелестная брюнетка почти не смотрела на седовласого шотландского дипломата, который вместе с Матасом долго и кропотливо работал над мирным договором, имевшим большое историческое значение, и брачным контрактом. По всему было видно, что Диане понравился предводитель клана Мак-Ратов. Она даже не пыталась это скрывать и горящим желанием взглядом следила за каждым его движением.

Однако этим вечером у Дианы было много соперниц – гораздо больше, чем обычно, – которые тоже боролись за внимание понравившегося ей мужчины. Оглядевшись вокруг, Франсин поняла, что она и ее темноволосая подруга были не единственными женщинами, которые следили за лейрдом Кинратом. Почти два десятка благородных дам, сверкая глазками, бросали кокетливые взгляды в его сторону, давая понять, причем довольно откровенно, что ждут приглашения от шотландца на следующий танец.

Господь милосердный, неужели никто из них не чувствует опасности? Неужели они не понимают, что подобны бабочкам, которые летят прямо на огонь, восторженно махая крыльями? Франсин даже нахмурилась, представив, как сильно они могут обжечься.

Когда отзвучали последние аккорды, леди Пемброк подошла к ней. Целых две недели Диана уговаривала Франсин, чтобы та не уходила сразу после банкета, а осталась на танцы. Однако Франсин упорно стояла на своем, заявляя, что должна уйти вместе с вдовами старшего возраста.

– Сегодня вечером ты опять собираешься уйти пораньше? – спросила Диана и улыбнулась так, как улыбается заботливая мать, пытающаяся укротить упрямого ребенка. – Ты же знаешь, что его величество хочет, чтобы все мы забыли на время о своих горестях и печалях и приняли участие в празднике.

Последние полгода Франсин покидала тронный зал до того, как начнутся танцы, и у нее на это были серьезные причины. Она понимала, что должна вести себя крайне осторожно, осмотрительно и корректно, потому что в последнее время вездесущий маркиз Личестер стал чересчур настойчивым в своих ухаживаниях.

Сейчас же, после шести месяцев уединения и печали, Франсин очень захотелось задержаться хотя бы ненадолго и повеселиться.

– Думаю, что сегодня я немного задержусь, – неуверенно кивнув, ответила она.

– Тебе это пойдет только на пользу, – обрадовалась Диана. – Ты уже выполнила свой долг, станцевав с эти надоедливym и скучным послом, и заслужила право выбрать партнера по собственному вкусу, невзирая на титулы и прочую ерунду.

Посмотрев на миниатюрную брюнетку, Франсин улыбнулась. На Диане было атласное платье темно-розового цвета, расшитое серебряными и черными нитями. Круглая, украшенная жемчугом шапочка была сдвинута на затылок, что давало возможность любоваться ее черными как смоль волосами, разделенными посередине пробором и собранными по бокам, прямо над ушами, в тугие узлы.

– Ты выглядишь просто потрясающе, – сказала Франсин подруге.

– Однако мужчины сегодня заглядываются не на меня одну. Посмотри вокруг, моя дорогая, – пытаюсь расшевелить и оживить Франсин, многозначительно ответила та, грациозно склонив голову. В ее глазах появился озорной блеск. – Этим вечером здесь собрались самые лучшие кавалеры. Такой выбор, что просто глаза разбегаются. Присмотри себе в партнеры какого-нибудь прекрасного пастушка, – посоветовала она, подмигнув, а потом добавила, заговорщицки хихикнув:

– Я имею в виду партнера не только для танцев...

Франсин укоризненно покачала головой – уж слишком непристойное предложение сделала ее подруга, – но не сдержалась и рассмеялась.

– Думаю, что я ограничусь танцами, одним или двумя.

Когда музыканты весело заиграли лавольту, Франсин улыбнулась, представив, как закружится по паркету. Сегодня она танцевала впервые после смерти Матиаса, который зимой покинул этот мир. Она почувствовала, как ее тело начинает двигаться в такт этой живой, искрометной мелодии. «И раз, и два, и три», – отбивали ритм барабаны, а гобои и флейты вели основную музыкальную тему.

Как только раздались первые аккорды, прямо перед Франсин возникла внушительная фигура графа Кинрата. Он, похоже, занял такую позицию, которая позволила бы ему подойти к ней первым, когда зазвучит музыка.

– Леди Уолсингхем, вы позволите? – спросил он.

Таким голосом обычно говорят мужчины, абсолютно уверенные в собственной неотразимости, – мужчины, которые знают, что стоит им только пальцем пошевелить, как сотни женщин падут к их ногам.

Почему бы и нет?

Шотландец был облачен в красно-черный килт и короткие клетчатые чулки, которые открывали его длинные мускулистые ноги, и из-за этого казался еще выше. В ухе у него сверкала серьга с рубином. На плечо был наброшен клетчатый плед, пристегнутый к красному шерстяному жилету булавкой в форме ястреба; на голове красовался берет, украшенный перьями, а талию подчеркивал широкий кожаный ремень с золотой пряжкой, на которой был выбит какой-то узор. То, что этот чужестранец имел необычный вид, придавало ему чарующую привлекательность.

И снова, глядя на его красивое лицо с безупречно правильными, словно высеченными искусным скульптором чертами, Франсин подумала, что он ей кого-то напоминает. Кого-то, кого она видела очень давно. Но разве смогла бы она забыть такого непостижимо красивого мужчину? Сражающая наповал улыбка, обнажавшая необычайно белые зубы, прелестные морщинки, которые залегли в уголках его глаз, и бронзовая, огрубевшая от соленых морских ветров кожа – все эти детали подчеркивали и усиливали его мужское обаяние.

Обаяние, которому Франсин ни в коем случае не должна поддаваться...

– Уф-ф! – разочарованно вздохнула стоявшая рядом Диана.

Франсин очень хотелось подтолкнуть Кинрата к своей подруге, посоветовав тому вместо нее пригласить на танец леди Пемброк, но она сдержалась. Глядя на его широкие плечи и могучую грудь, она вдруг подумала, что ей вряд ли удастся сдвинуть его с места.

Но отказать ему Франсин в любом случае не могла: такой поступок был бы вопиющим нарушением этикета.

– Конечно, – согласно кивнула она и приветливо улыбнулась, пытаясь скрыть свой страх. – Для меня это огромная честь.

– Миледи необыкновенно добра, – едва слышно ответил граф, вежливо поклонившись.

Он приблизил свое лицо к ее лицу, и она увидела его удивленно блестящие глаза. Казалось, он точно знал, что она лжет, однако из вежливости не стал уличать ее в этом.

Черт бы его побрал! Когда дело касается знания тонкостей придворного этикета, то Франсин может дать фору любому шотландскому пирату. Желая достойно ответить на его весьма официальный поклон, она присела в глубоком реверансе. А потом резко встала, словно солдат-копьемосец, вдруг осознав, что выставила напоказ свое декольте. Но, выпрямившись, Франсин увидела, что он смотрит на ее лицо. Однако по довольной усмешке на его губах она поняла, что шотландец в полной мере воспользовался той возможностью, которую она так опрометчиво ему предоставила.

Сурово сдвинув брови, женщина гордо подняла голову, давая тем самым понять, чтобы он не заблуждался на ее счет. Она не собирается заводить любовную интрижку с этим красавцем. Впрочем, как и с любым другим мужчиной.

– Вы умеете танцевать лавольту? – спросила Франсин, так как ей показалось, что он просто не понял, что оркестр играет мелодию именно этого веселого и быстрого танца.

Услышав ее вопрос, он удивленно вскинул свои прямые рыжевато-каштановые брови и ответил:

– Конечно.

Она ему не поверила, но попыталась скрыть свои сомнения. Разве шотландский пират может знать танец, который совсем недавно привезли в страну из Италии, где его танцевали при дворе Сфорца? Только этой весной танцмейстер, которого специально выписали из Милана, обучил придворных Генриха Тюдора и их жен новомодному европейскому танцу.

Франсин в сопровождении Кинрата вышла на танцевальную площадку для того, чтобы сделать несколько легких шагов по залу, готовясь к танцу. Она молилась, чтобы он оказался одним из тех необщительных и немногословных мужчин, которые не любят разговаривать во время танца. Граф был последним человеком, с которым ей хотелось бы поболтать, особенно если он заговорит о сегодняшнем спектакле.

Когда раздались веселые, бодрые звуки, Кинрат обхватил ее талию своими мускулистыми руками, и в следующую секунду Франсин почувствовала, как взлетает над полом, словно невесомая пушинка.

– О боже мой... – пробормотала она.

Он действительно умел танцевать лавольту!

Положив правую руку на его широкое плечо, чтобы не потерять равновесие, левой она прижала к телу свое платье и нижнюю юбку, дабы они не взлетели вверх и не обнаружили кружева на ее сорочке.

– Насколько я понял, вам нравится лавольта, – сказал он едва слышно и усмехнулся. – Я не сомневался в том, что вы умеете ее танцевать.

Держа Франсин на весу высоко, как никто другой, он с удивительной легкостью повернул ее на три четверти, потом снова опустил на пол.

Она восхищенно улыбнулась: это было сущее наслаждение – кружиться в воздухе.

– Я часто танцевала лавольту в Неаполе, когда бывала там со своим покойным мужем. Это так же удивительно, как если бы у тебя выросли крылья и ты смогла бы взлететь в облака, подобно соколу, – призналась она, радостно смеясь. – Вам когда-нибудь...

Сказав это, она сразу поняла, что ей следовало бы прикусить свой язык. Господи! Уже было поздно забирать свои слова обратно.

– Мне когда-нибудь что? – спросил шотландец, глядя на нее горящими от любопытства глазами.

При изящных вращениях и поворотах их ступни взлетали вверх абсолютно синхронно и так же синхронно двигались назад и вперед по отполированному до блеска паркету в такт веселой мелодии, которую играли флейты, и быстрому ритму, который отбивали барабаны.

– Вам когда-нибудь хотелось летать? – не удержавшись, все-таки спросила Франсин.

– Летать? – усмехнулся граф.

– Да, летать, – настаивала дама. Теперь, раз уж она завела этот разговор, нужно было все выяснить. – Подобно ястребу.

– Довольно необычное сравнение, – заметил он, не отвечая на вопрос.

Сдерживаемая сила, которую она ощутила в нем утром, теперь стала явной, несомненной. Прижатая к его крепкому боку, она почувствовала, как сжимаются и разжимаются тугие мышцы на его руках, когда он без всяких усилий снова поднял ее вверх и повернулся вместе с ней. Затаив дыхание, она посмотрела в его прекрасные глаза, – глаза, которые, казалось, обещали невыразимое удовольствие той женщине, которой посчастливится привлечь его внимание.

Каждый раз, когда он с удивительной легкостью поднимал Франсин, у нее начиналось головокружение, усиливающееся с каждым поворотом его мощного тела. Она пыталась побороть его. На очередном витке она, прижимая одну руку к его крепкому плечу, другой схватилась за его рукав, желая удержать равновесие.

– Осторожно! – взмолилась она.

– Не беспокойтесь, леди Уолсингхем, – заверил ее Кинрат, озорно улыбнувшись. – Я не уроню вас.

Франсин рассмеялась.

– Если я и упаду, шотландец, то не одна, – предупредила она его, хихикнув. – Ведь я крепко держусь за ваш рукав и не собираюсь его отпускать. И если вид моих голых коленей повергнет в шок весь двор, то в этом будете виноваты вы.

– Тогда держитесь крепче, миледи, – сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Я не собираюсь снижать темп, и пошел ваш двор к черту.

Лахлан еще крепче прижал к себе эту великолепную женщину, когда они выполняли быстрые па танца. Каждый раз, поднимая ее и кружась вместе с ней, он чувствовал на своем лице нежное, словно морской ветерок в тихую ночь, дыхание.

В этот момент ее мягкие груди оказывались всего в нескольких дюймах от его губ. Эти соблазнительные полусферы приподнимались и опускались в глубоком квадратном вырезе ее платья в такт веселому ритму; тонкая талия была затянута в расшитый узорами атлас; изящные округлые бедра прижимались к нему. Он чувствовал гибкость и пластичность ее упругого тела.

Веселый мелодичный смех женщины как бы дарил радостное ожидание, и тело Лахлана ответило на него необычным жаром. Желание обладать ею было подобно мощному удару заградительного огня с грабительского корабля.

Глядя, как мечтательно и невинно улыбается леди Франсин, он понял, что она не имеет ни малейшего представления о его мыслях. «Вот и хорошо...» Танцуя, он уже видел, как бледно-лиловый атлас медленно скользит вниз по соблазнительным округлостям ее тела и стекает к прелестным пальчикам, словно ручеек...

– Где вы научились танцевать лавольту? – спросила она, удивленно глядя на него. Леди явно не ожидала, что дикий шотландский наемник знаком с новомодными придворными развлечениями.

– Я не всю свою жизнь провожу на корабле, – ответил он. – Когда мы приходим в порт, то я схожу на берег и время от времени возвращаюсь в приличном обществе.

От удивления она даже рот открыла.

– И приличное общество охотно общается с... с...

– С пиратом? Не бойтесь говорить то, что думаете, леди Уолсингхем, – сказал он. Его шотландский акцент стал более отчетливо слышен, когда он прижал ее к себе чуть сильнее. – Кстати, миледи, комедия, которую мы посмотрели сегодня вечером, была довольно забавной.

Неуверенная улыбка застыла на ее лице в форме сердечка. Карие глаза внезапно округлились от страха. Ему никогда не приходилось видеть таких огромных глаз, как у нее, обрамленных невероятно длинными ресницами. И в это самое мгновение в них была такая тревога, что он едва сдержался, чтобы не прыснуть от смеха. Для женщины она невероятно искренняя и открытая. Он подумал, что ей, наверное, очень трудно, почти невозможно скрывать свои истинные чувства как от друзей, так и от врагов.

– Вы... вы же не обиделись, я... я надеюсь, – заикаясь, затараторила она, тяжело дыша. – Если вы обиделись, лейрд Кинрат, то, прошу, позвольте мне извиниться перед вами от имени всего английского королевского двора. Просто мы как благодарные зрители смеялись над этим скандальным, даже возмутительным представлением. Прошу вас поверить мне, что это было сделано только для того, чтобы повеселить публику. Мы никого не хотели обидеть.

Лахлан улыбнулся, вдохнув аромат лаванды, который исходил от ее роскошных золотистых волос, стянутых сеткой с драгоценными камнями.

– Никто не обиделся. На самом деле, миледи, мне показалось, что вы были единственным человеком в зале, который не смеялся над забавными выходками акробатов. Словно вы почему-то чувствовали себя ответственной за весь этот фарс, боялись, что кто-нибудь будет жаловаться. Если кого-то и следует призвать к ответу, то это, скорее, должен быть Главный королевский комедиант.

Прежде чем она успела ответить, он приподнял ее и закужил, подхватив под ребра. Она обеими руками обняла его за плечи, их лица оказались почти напротив – между ними было всего несколько дюймов.

– О нет! – протестующе воскликнула Франсин. – Вы не должны обвинять Чарльза Берби. Он просто выполнял данные ему указания.

Не выдержав пристального взгляда Лахлана, она опустила глаза. Ее роскошные ресницы отбросили тень на нежно-кремовые щеки.

– Дело в том... Я только хотела... Если вы собираетесь пожаловаться королю на то, что вас и ваших соплеменников оскорбили... Что ж, я уверена, его величество не знал заранее, о чем будет спектакль. И будет очень стыдно заставлять господина Берби излишне краснеть и смущаться перед всем двором, – почти твердо сказала она, посмотрев ему прямо в глаза. В ее взгляде была тревога. – Его за это могут даже выгнать, лишив жалования, если вы потребуете наказать его за вашу поруганную честь и достоинство.

Крепко прижимая женщину к себе, Лахлан повел ее по паркету. Их ноги взлетели одновременно.

– Почему вы решили, что мы с моими соплеменниками можем почувствовать себя оскорбленными? – спросил он. – Этот фарс не имеет к нам никакого отношения.

– В самом деле? – воскликнула она, и на ее лице снова появилась улыбка. – Однако несомненно...

– Миледи, – сказал Лахлан, – совершенно очевидно, что римские акробаты изображали людей клана Кемпбеллов. Их нелепые, но забавные трюки не имеют никакого отношения к Мак-Ратам.

Она пристально посмотрела на него. Ее прелестное личико выражало смущение.

– Это правда? Вы действительно так думаете?

– Конечно, – ответил он, с трудом пытаясь сдержать улыбку. – Те цыгане были одеты в черно-белые пледы клана Кемпбеллов. Все, кто знаком с шотландскими горцами, знают это.

– Значит, вы не увидели в том человеке на ходулях обидную карикатуру на вас, – сказала она, облегченно вздохнув, и добавила: – Даже несмотря на то, что вы самый высокий мужчина в этом зале?

– Едва ли. Кроме того, что актер изображал Кемпбелла в черно-белом пледе, на его берете не было перьев. Лейрд клана всегда носит берет с тремя перьями, для того чтобы обозначить свой статус.

Подняв голову, она посмотрела на его берет и смущенно сморщила нос.

– Значит, вы смеялись из-за того, что думали, будто акробаты изображают каких-то людей, которых вы называете Кемпбеллами? Неужели то, что они притворялись шотландцами, не рассердило вас?

Когда она повернулась к Кинрату и тот увидел на ее лице тревогу, все, что он смог сделать, так это не остановиться в центре зала и не прижать свои губы к ее губам. Неужели она всегда лжет так неубедительно? Он обязательно выяснит это во время ночей, которые у них впереди.

– Уже несколько десятилетий Кемпбеллы соперничают с кланом Мак-Ратов, – пояснил он. – Когда мои соплеменники увидели, как смешно изобразили актеры наших старинных врагов, то нашли весьма забавным, что их смогли победить молоденькие девушки.

– Понятно, – со вздохом сказала Франсин. Однако по тому, как наморщился ее прелестный лобик, было ясно, что она ничего не поняла.

Лахлан привлек ее еще ближе и вновь вдохнул дразнящий аромат. Он не знал точно, когда именно решил сделать ее своей любовницей, но точно знал, что так и будет. И не важно, с кем она сейчас делит ложе. Мысленно он уже был уверен в том, что сможет сделать все от него зависящее, чтобы это произошло.

– Благодарю вас за беспокойство, миледи, – сказал он. – Я глубоко ценю вашу заботу о том, чтобы не оскорбить мои лучшие чувства, не задеть мою гордость. Однако уверяю вас, меня не так-то просто обидеть.

– Вы совершенно не поняли причину моего беспокойства, – заявила Франсин и гордо вскинула голову и сурово сдвинула брови, желая усилить впечатление. – Я просто не хочу, чтобы вы потребовали извинений от короля, ведь это может повлечь за собой разрыв мирного договора и королевского брачного контракта.

– О, я даже и в мыслях не имел требовать извинений от короля или от Главного королевского комедианта. Я уверен в том, что у них обоих не было злого умысла. Однако я приму ваши извинения, леди Уолсингхем, в любое удобное для вас время.

– Мои извинения? – спросила она, изумленно уставившись на него. – За что же я должна извиниться?

– Думаю, что мы с вами знаем ответ на этот вопрос.

Танец закончился. Лахлан взял руку Франсин и положил ее на свою, как того требовал этикет. Проводив леди Уолсингхем на прежнее место в тот конец зала, где стояли остальные фрейлины, он отвесил ей глубокий поклон.

Она не удостоила его ответным реверансом. Просто склонила голову ниже, чтобы только он мог слышать ее, и прошептала:

– Я совершенно не понимаю, почему вы считаете, что я должна перед вами извиниться.

– Для столь прелестной девушки вы слишком упрямы, – сказал он, усмехнувшись. – Однако я никогда не пасовал перед трудностями. Держу пари, что не пройдет и двух недель, как вы извинитесь передо мной. – Он взял ее руку и поднес ее нежные пальчики к своим губам. – И если вы, миледи, проявите ко мне особую благосклонность, то я с огромным удовольствием прошу вас.

Глава четвертая

Не успел Кинрат, поклонившись, удалиться, как перед Франсин возник маркиз Личестер.

– Нам нужно поговорить, – сказал он, сурово сдвинув брови.

Не дожидаясь разрешения, маркиз едва заметно кивнул головой, что, видимо означало поклон, и, схватив ее за руку, буквально потащил на танцевальную площадку. Его смуглое лицо пылало от злости. Увидев, как сурово он нахмурился, Франсин поняла, что спектакль, который она с таким усердием готовила для вечернего праздника, ему совершенно не понравился.

Личестер крепко сжал ее руку, и женщина почувствовала, насколько он в ярости. По опыту она знала, что, когда Эллиот злится, не стоит подливать масла в огонь, поэтому не решилась отказать ему и пошла танцевать. Франсин понимала, что ее-то он не тронет, но запросто может наброситься с кулаками на кого-нибудь другого, и она будет в этом виновата.

Леди Уолсингхем невольно сравнивала склонность Эллиота Броума задираться и скандалить с обходительно-вежливым поведением графа Кинрата, чья ослепительная улыбка и изумрудно-зеленые глаза излучали беззаботный шарм жестящика, который продает свою посуду влюбленной в него кухарке.

Когда Франсин шла рядом с Личестером, чтобы занять место среди танцующих пар, она мельком взглянула на высокого, черноволосого маркиза. Сердитый взгляд, грубые черты его словно неудачно обтесанного лица усугублялись густой черной бородой и усами.

– О чем именно ты хочешь поговорить? – спросила она, приветливо улыбнувшись и начав медленно и величественно двигаться в паване⁶. – Надеюсь, ты не обиделся на этот глупый фарс, который показали сегодня?

Личестер бросил на нее вопросительный взгляд, и она поняла, что вовсе не забавные ужимки королевского шута так сильно разозлили его.

– Мне следовало бы выпустить кишки этому Чарльзу Берби и скормить их собакам, – ответил он. – А потом сбросить с башни этого маленького слезливого карлика, чтобы научить его хорошим манерам.

Несмотря на ядовитые слова, говорил он скорее рассеянно и задумчиво, чем злобно. Судя по всему, эти двое слуг не так уж и сильно его раздражали.

Перед ними возникла леди Пемброк, которая весело болтала с одним из младших родственников Кинрата. Этот долговязый рыжий парень, облаченный в красно-черный плед Мак-Ратов, наклонив голову и улыбаясь во весь рот, слушал словоохотливую брюнетку. Он, казалось, совершенно потерял дар речи от счастья, что может просто смотреть на нее полными восхищения глазами.

Личестер был очень элегантен в своем черном бархатном камзоле с разрезами на рукавах, в которых виднелись вставки из золотистого атласа, бриджах и плотно облегающих длинные ноги лосинах. Выше шести футов роста, крепкого телосложения, он был сильным и выносливым, как боевой конь. Эти впечатляющие физические данные использовались им для того, чтобы запугивать и принуждать к повиновению всех – и мужчин, и женщин, – кто имел смелость перечить ему. Теперь, когда Франсин по собственной глупости навлекла его гнев на двух несчастных мужчин, ей нужно было перенаправить его куда-нибудь в другую сторону.

– Главный королевский комедиант является одним из тех слуг, которые пользуются большим доверием короля Генриха, – напомнила она Личестеру. – А Реджинальд – его люби-

⁶ Торжественный медленный придворный танец, распространенный в Европе в XV–XVII веках.

мый шут. Если его величеству понравилось сегодняшнее представление, то, я думаю, с твоей стороны будет весьма неблагоприятно жаловаться слишком громко. Кроме того, Эллиот, – продолжила она мягким, льстивым голосом, – никто не принимает всерьез такое откровенное шутовство. Люди посмеются и забудут об этом еще до окончания вечера. Никто ничего даже не вспомнит, если ты не поднимешь шум или не устроишь скандал.

– Я этого не забуду, – прошипел Личестер, стиснув зубы. – Как только мне представится удобный случай, оба поплатятся за это.

В этот момент они выполняли плавный переход в танце, и, двигаясь боком, Эллиот споткнулся, едва не наступив на подол ее платья. Выругавшись про себя, он быстро выпрямился. И в лучшие времена маркиз был неуклюжим танцором. А сейчас, пребывая в крайне возбужденном состоянии, он стал совершенно неповоротливым, и досада и злость, что его выставили на посмеище, вспыхнули в нем с новой силой.

– Не стоит винить Чарльза Берби или Реджинальда, – продолжала убеждать его Франсин. – Они просто выполняли указания автора. Прибереги свой гнев для того, кто написал эту идиотскую комедию.

Услышав ее слова, Личестер вообще перестал делать вид, что танцует. Он увел Франсин с танцевальной площадки и потянул ее в альков в дальнем конце зала. Он все крепче и крепче сжимал ее руку, пока не понял, что может переломать женщине пальцы.

Эллиот был зол, на его виске вздулась темно-фиолетовая вена.

– Если я когда-нибудь найду этого мерзкого ублюдка, то удавлю его голыми руками.

Франсин безуспешно пыталась высвободить свою руку, которую он сжимал.

– В самом деле, Эллиот! – раздраженно воскликнула она. – Тебе следует научиться держать себя в руках. Это же просто неприлично! Настоящий джентльмен не может так себя вести.

Ее критика подействовала отрезвляюще, и мужчина моментально успокоился. Отпустив руку графини, он обнял ее за плечи и притянул к себе. Когда он наклонил голову, его прямые черные волосы упали на лоб, закрыв брови.

– Ты сможешь научить меня, как сдерживать свой гнев, Фрэнси, – произнес он хриплым голосом. – Я сделаю все, о чем ты меня попросишь, если ты...

– Я прошу тебя оставить в покое Чарльза Берби и шута Реджинальда, – перебила она его, пока он не зашел слишком далеко в своих высказываниях.

– Я так и сделаю, моя дорогая, поскольку ты меня об этом попросила, – зло сверкнув своими черными глазами, сказал он, чеканя каждое слово. – А теперь послушай меня. Ты больше не будешь общаться с этим чертовым шотландским пиратом. Он не достоин даже прикасаться к подолу твоего платья своими кровавыми ручищами мясника-убийцы.

Она удивленно уставилась на Личестера, не понимая, о ком он говорит.

– Какой шотландец? При чем здесь этот человек?

– Черт побери, Фрэнси, я видел, как ты танцевала с ним. Как ты смеялась с ним. Со мной ты так никогда не смеялась. Даже когда мы были детьми. Ведь тебе, как никому другому, должно быть известно, на что способен этот подлый народец. Неужели ты забыла о том, как эти мерзкие воры перешли границу и угнали наш скот и сожгли наши поля? Неужели ты забыла о том, что случилось в Чевииот-Хилсе?

После его слов у нее перехватило дыхание, словно она на полном скаку свалилась с коня и ударилась о землю.

– Я никогда не смогу забыть того, что случилось в Чевииот-Хилсе, – прошептала Франсин, удивляясь, что даже по прошествии стольких лет у нее по-прежнему на глаза наворачиваются слезы. Задержав дыхание, она попыталась не заплакать – ей не хотелось проявлять перед ним слабость.

Однако Эллиот заметил ее слезы. Казалось, ему доставляет удовольствие смотреть, как она страдает. Он ослабил хватку и заговорил льстивым голосом:

– Ты, Фрэнси, просто помни о том, что этот шотландский ублюдок тоже мог участвовать в том сражении.

– Последние десять лет этот шотландец плавал по морям и нападал на наши корабли, – напомнила она ему. – Я не думаю, что он принимал участие в наземных сражениях на границе.

– Какая разница, был он там или нет? Главное, что тебе следует держать его на почтительном расстоянии и не позволять ему никаких вольностей. Я видел, какими глазами смотрел на тебя этот мерзкий сукин сын. – Личестер замолчал, довольно бесцеремонно разглядывая ее грудь. Он смотрел так, словно имел на это полное право. – Я прекрасно понимаю, о чем он думал. Я это чувствовал. И я не позволю ему вожделеть то, что уже принадлежит мне.

Франсин задержала дыхание, пытаясь подавить эмоции. Ей нужно было сохранять спокойствие.

– Я уже говорила тебе, Эллиот, что не собираюсь выходить замуж второй раз, – сказала она. – Матиас оставил нам с Анжеликой приличное состояние, поэтому мне не нужен еще один муж. А теперь отпусти меня. На нас смотрят.

Личестер стоял, вцепившись руками в ее плечи. Оглядевшись по сторонам, он неохотно убрал руки и отошел назад. Однако, начав разговор на эту тему, он не собирался отступать.

– Тебе нужен сильный и влиятельный мужчина, который будет защищать тебя, Фрэнси. А твоей маленькой дочери нужен отец, который будет ее воспитывать.

– Защищать от кого? – набросилась она на маркиза. – От назойливых поклонников, которые даже спустя много лет после того, как им отказали, продолжают меня преследовать?

Увидев, как его грубое лицо исказилось от ярости, Франсин моментально пожалела о том, что не смогла сдержаться. Она знала, что такого человека, как Личестер, ни в коем случае нельзя провоцировать на злость.

Графиня вскинула руки ладонями вверх, давая понять, что не хочет с ним ссориться.

– Кстати, у меня уже есть защитник. Это наш король, – добавила она. – И я сама могу достойно воспитать своего ребенка.

– Почему ты продолжаешь упорствовать, Франсин? Это просто глупо! – воскликнул он. – Ведь мы оба знаем, что пойдем под венец, как только вернемся из Шотландии. Королю Генриху пришлось дать свое согласие на наш брак.

– Почему я об этом ничего не знаю? – поинтересовалась Франсин.

Она закусила губу и вздохнула, подумав о том, что с ее чувствами и желаниями никто не считается.

– Эллиот, меня вполне устраивает положение вдовы, – сказала она. – У меня есть родовое поместье, которое расположено на прекрасных землях, и огромное состояние. Этих денег мне хватит до конца жизни. Анжелика унаследовала небольшое состояние от Матиаса и своего деда. Чего же мне еще желать?

– Все это может исчезнуть в мгновение ока.

Франсин внимательно всмотрелась в его глаза, в которых все еще горел злой огонь.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросила она.

– Фортуна – дама капризная. Сегодня она благосклонна к тебе, моя дорогая, а завтра может и отвернуться, – мрачно усмехнувшись, сказал Личестер. – Дело о том, кому принадлежит право собственности на земли, на которых расположено твое родовое поместье, сейчас рассматривается в суде Нортумберленда. Ты же прекрасно понимаешь, что законность прав собственности на все поместья Уолсингхема сейчас поставлена под сомнение.

– Пока Матиас был жив, никто не сомневался в том, что он является законным владельцем всех этих земель, – возразила Франсин, стараясь говорить как можно спокойнее. –

Сомнения появились после того, как твои стряпчие предоставили в суд поддельные документы.

С видом человека, совершенно уверенного в собственных силах, Личестер не спеша расправил кружева на манжете.

– Все эти недоразумения можно будет устранить, если мы подпишем с тобой брачный контракт, – сказал Личестер, и его губы растянулись в самодовольной улыбке. На фоне черных усов и бороды зубы казались ослепительно белыми. – Уверю тебя, моя дорогая, что я могу быть невероятно щедрым.

Увидев эту его улыбку, Франсин почувствовала, как у нее задрожала нижняя губа.

– Ваше предложение, милорд, можно было бы принять, если бы не одна маленькая проблема, – сказала она. – Я не люблю вас.

В его глазах на мгновение появилась боль.

– Я заставлю тебя полюбить меня, – тихо прохрипел он. Казалось, что у него в горле застрял ком и ему трудно говорить.

– Эллиот, никого невозможно заставить полюбить себя, – медленно покачав головой, сказала Франсин. – Любовь либо есть, либо ее нет. Она возникает сама по себе.

Прежде чем он успел ответить, Франсин, повернувшись на каблуках, поспешно ушла и присоединилась к другим вдовам как раз в тот момент, когда они, присев перед королем в прощальном реверансе, собирались покинуть зал. Дойдя до самой дальней двери вместе со своими старшими спутницами, она обернулась и посмотрела на переполненный зал. Ей показалось, что все, кто там находится, с нескрываемым любопытством следят за ее уходом. Завтра о них с Личестером будет судачить весь двор.

Франсин старательно отводила глаза, чтобы не встретиться взглядом с шотландцем.

Пусть думает что хочет.

Ей нет до него никакого дела. Впрочем, как и ему до нее.

Повернув за угол, Франсин побежала по пустому коридору, время от времени украдкой оглядываясь, чтобы убедиться, что ее никто не преследует. Она заметила Личестера, расхаживающего возле покоев, которые она занимала, в ожидании ее возвращения из дворцовой часовни. Там рано утром служили мессу и молились о том, чтобы путешествие принцессы Маргарет в Шотландию было легким и безопасным. Вся ее свита, состоящая из англичан и шотландцев, должна была сегодня покинуть дворец Колливестон и отправиться в дальнюю дорогу на север.

Увидев черноволосого маркиза, Франсин решила не подходить к своим комнатам, где ее дочь с няней готовились к отъезду, и побежала в противоположную сторону.

Дворец был похож на кроличий садок с маленькими двориками и анфиладами комнат. За последние несколько недель Франсин смогла ознакомиться с расположением всех его помещений. Ей не хотелось оставаться с Личестером наедине. Если он догонит ее в этом крыле здания, где почти всегда пусто, то непременно воспользуется удобным моментом.

Эллиот еще не повернул за угол, а Франсин уже знала, что он спешит за ней, так как слышала сзади звуки его шагов. Понимая, что больше не может бежать, она решила спрятаться в одной из пустых комнат. Это была единственная надежда на спасение. У нее осталось всего несколько секунд для того, чтобы найти надежное убежище.

Франсин повернула ручку одной из дубовых дверей, расположенных вдоль коридора, и с облегчением обнаружила, что она не заперта.

– Благодарю тебя, Господи, – прошептала она и быстро проскользнула в комнату, осторожно закрыв за собой дверь. Она надеялась только на то, что Личестер потерял из виду ее лиловое платье еще до того, как смог заметить, куда именно она повернула.

Франсин не стала закрывать дверь на щеколду, так как побоялась, что он услышит характерный лязг металла, и, затаив дыхание, прижала ухо к деревянной панели.

В комнате было тихо; вдруг в этой тишине она явственно услышала тихий плеск воды. Звук доносился откуда-то сзади. Женщина почувствовала, как от страха по спине пробежал холодок.

«Господь милосердный, Отец наш небесный...»

В комнате был еще кто-то.

Почему она раньше не вспомнила о том, что вчера в этом вечно пустующем крыле дворца с совершенно беспорядочной планировкой отвели комнаты для шотландских эмиссаров?!

Осторожно повернув голову, она посмотрела через плечо и увидела большую кровать. Постель была смята. Слава богу, на кровати никого не было. Возле стены стоял резной комод орехового дерева, на нем серебряный таз, а рядом мужские бритвенные принадлежности. Меч и длинный кинжал в ножнах лежали на кресле, стоящем возле кровати. На скамью у подножия кровати с балдахином был брошен красно-черный плед.

Красно-черный плед...

Такие пледы носят те, кто принадлежит к клану Мак-Ратов. Она, к своему большому удивлению, только вчера узнала об этом.

То, что ее найдут в спальне шотландского горца, еще не самое страшное из того, что может случиться. Куда страшнее, если это будет английский маркиз, который сейчас разыскивает ее в дальнем конце коридора. Застав ее в комнате с другим мужчиной, маркиз не успокоится до тех пор, пока не убьет его. А заодно, может быть, и ее.

Прижав руку к груди, Франсин повернулась. «Нужно осмотреть всю спальню. Может быть, это поможет мне понять, кто здесь обитает», – подумала она.

Возле противоположной стены стоял гардероб. В нем находилась мужская одежда и военное снаряжение. Возле гардероба был большой камин. Горевший в нем огонь отбрасывал розоватые отблески на камни дымохода. Прочная ширма стояла так, что задерживала тепло, исходящее от огня.

Франсин снова услышала плеск воды и, повернувшись, посмотрела на ширму, обтянутую узорчатой шелковой тканью. Ей вдруг стало так смешно, что она даже прижала к губам ладонь, чтобы не расхохотаться. Казалось, что, попав в такую ужасную ситуацию, она должна чувствовать себя оскорбленной и униженной, но именно вопиющая возмутительность этой ситуации и вызвала смех.

Женщина оказалась в довольно постыдном и вместе с тем комичном положении. Такое ей не могло присниться даже в самых кошмарных снах.

Она кому-то помешала принимать ванну.

И это мужчина.

Судя по всему, кто-то из Мак-Ратов. Но кто именно? Кто сейчас нежится в ванне, наполненной горячей мыльной водой?

Из-за ширмы донесся раздраженный окрик:

– Я забыл это чертово полотенце. Дай его мне, слышишь, парень?

Франсин поняла, что мужчина услышал, как она вошла.

Шотландский лейрд не знал, кто сейчас находится в его комнате, а женщина сразу вспомнила, кому принадлежит этот сердитый баритон.

Она не осмелилась ответить и прижала ухо к дубовой панели. Через закрытую дверь послышались приближающиеся шаги – гулкий стук сапог по вымощенному плиткой коридору. Личестер шел очень быстро. Если она сейчас выйдет из комнаты, то столкнется с ним.

Кинрат, наверное, принял ее за своего слугу. Потеряв терпение, он крикнул еще громче:

– Родди, брось мне полотенце. Оно висит возле кровати.

Оглядев комнату, Франсин увидела полотенце на столбике кровати. Прокравшись на цыпочках в другой конец комнаты, она схватила полотенце и осторожно перебросила его через ширму. Поздравив себя с таким точным броском, женщина прошла обратно к двери и снова приложила ухо к полированному дереву.

Франсин слышала, как Личестер бежит по коридору то в один конец, то в другой. Казалось, он, боясь потревожить тех, кто живет в этих многочисленных комнатах, никак не может решиться постучать в дверь.

– И от кого же мы прячемся? – произнес низкий мужской голос возле самого уха Франсин.

Испуганно обернувшись, она увидела, что рядом с ней стоит граф Кинрат. Точнее, вышается над ней. И Франсин, даже не задумываясь над тем, что делает, подняла руку и, прежде чем он успел что-либо сказать, зажала ему рот.

– Ш-ш-ш! Тихо! – хриплым шепотом приказала она.

Фрейлина вела себя настолько уверенно и дерзко, что у графа от удивления загорелись глаза. Он даже не попытался убрать ее руку со своих губ и молча усмехнулся, выражая тем самым свое согласие. Набравшись смелости, он накрыл своей рукой руку Франсин и поцеловал ее ладонь. Она моментально отдернула руку.

– Что вы... – все так же шепотом пробормотала дама, но, посмотрев на него, от изумления не смогла больше вымолвить ни слова.

Господи, сохрани и помилуй!

Он был почти голым.

То полотенце, которое она перебросила за ширму, граф наспех завязал на своих узких бедрах. На его обеих мускулистых руках, между локтем и плечом, были нарисованы тушью или краской какие-то непонятные узоры, напоминающие экзотические браслеты. Эти таинственные надписи, видимо, обладали магической силой. Она знала, что он участвовал во многих морских сражениях, но на его груди не было ни одного, даже самого маленького, шрама.

Франсин осторожно отступила назад и, оторвав взгляд от обнаженного торса мужчины, подняла голову и посмотрела ему в глаза. В них светилось любопытство.

Было ясно, что ее неожиданное появление в его спальне почему-то не удивило шотландца. Он, совершенно не смущаясь, стоял перед ней, как какой-нибудь грозный военачальник перед строем; выпуклые, накачанные мускулы его груди, рук и ног были совершенно обнажены, непристойно и варварски демонстрируя мужскую дикость и силу.

Она где-то читала, что в давние времена шотландцы отправлялись на войну абсолютно голыми. Только красили лица голубой краской и на шеи вешали языческие амулеты. По какой-то странной иронии на шее у Кинрата тоже висел медальон на золотой цепочке. Однако увидеть, что на нем было изображено, она не смогла, так как его закрывали густые рыжевато-каштановые волосы, которыми была покрыта грудь горца. «Господи, пусть лучше на нем будет изображен лик какого-нибудь святого, а не магические письмена», – подумала она.

Франсин почувствовала, как ее щеки заливают румянец. Несмотря на то что она была смущена тем, что ее поймали в его комнате, куда она вошла без приглашения, женщина поняла, что еще немного и она захохочет как ненормальная. Радость, светившаяся в его глазах, и тот факт, что он не предпринял ни единой попытки прикоснуться к ней, хотя и наклонился немного ближе, чем нужно, убедили ее, что бояться нечего. По крайней мере в настоящую минуту.

– Неужели у вас нет ни капли стыда? – напустилась она на него, пытаясь скрыть напряженную, захватывающую дух реакцию, которую почувствовала при виде его естественной мужественности. – Наденьте же что-нибудь!

Свет в его глазах, казалось, танцевал с порочным, дьявольским ухарством.

– Да, я согласен с вами, миледи, что без рубашки я выгляжу не очень привлекательно, – признался Кинрат. – Если бы я знал, что вы собираетесь нанести мне визит, то не сидел бы так долго в ванне, быстро бы помылся и надел свой самый лучший камзол. – Помолчав немного, он кивнул головой в сторону ширмы, и его губы расплылись в улыбке. – Может быть, мне удалось бы даже уговорить вас поплескаться в ванне вместе со мной.

– Конечно же нет!

Однако его предложение понравилось Франсин. Подобная идея никогда не приходила ей в голову. Она даже никогда не слышала о таком постыдном поведении, но почему-то была уверена, что, несмотря на его веселый игривый тон, стоит ей только головой кивнуть, и он с огромной радостью...

Господь милосердный, какие мысли лезут ей в голову!

Франсин повернулась, нащупала щеколду и резко дернула дверь, пытаясь ее открыть. Но дверь почему-то не поддавалась.

Прижав свою огромную ладонь к массивной дубовой панели высоко над ее головой, Кинрат довольно легко удерживал дверь закрытой.

– Раз уж вы пришли ко мне, леди Уолсингхем, – уговаривал он ее, – прошу, задержитесь еще ненадолго, не уходите так быстро. Мы ведь с вами понимаем, что тот парень, возможно, все еще там.

– Какой парень? – деланно удивилась она и опустила глаза, уклоняясь от его пронизывающего взгляда.

– Насколько я понял, это тот несчастный болван, с которым вы вчера вечером о чем-то так яростно спорили, перед тем как в гневе покинуть танцевальную площадку, – ответил он и понимающе усмехнулся. – Вы вчера вечером поссорились со своим любовником, а утром не захотели простить его? Я уверен, стоит вам только захотеть, и он упадет перед вами на колени, чтобы вымолить прощение.

– А вы? – поинтересовалась она. – Смогли бы стать на колени?

Его ответ был таким же мягким и прозрачным, как ночная сорочка невесты:

– Все зависит от того, как вы покажете, что простили меня.

Франсин невольно рассмеялась.

– Вы просто неисправимы! Неужели все шотландцы настолько порочны и безнравственны?

Лахлан заметил, как меняются эмоции на выразительном лице леди Уолсингхем. Она с таким удивлением и в то же время с таким недоверием посмотрела на него, когда он предложил вместе принять ванну. Он был уверен, что леди совершенно не ожидала услышать такое. Однако где-то в глубине ее блестящих светло-карих глаз он заметил игривость в ответ на свое поддразнивание.

Она так искренне и звонко рассмеялась, и ее смех таким звонким эхом взлетел под потолок, что, казалось, его сердце готово было улететь вместе с ним, словно сигнальная ракета, выпущенная с носа корабля. Ее откровенная радость коснулась пустого, измученного места внутри него. Эта живая и энергичная графиня совершенно не соответствовала его представлениям о высокомерных, надменных и холодных английских аристократках.

– Как вы можете обвинять в безнравственности целый народ? – улыбнувшись, упрекнул он ее. – У меня сложилось впечатление, что вы только вчера вечером в первый раз увидели шотландца.

Она вскинула брови.

– Я заметила, что вас не было на утренней мессе, – сказала Франсин, как бы упрекая его.

Лахлан снова предусмотрительно уперся рукой в дубовую панель над ее головой. Протянув вторую руку, он осторожно погладил кончиками пальцев ее нежную, мягкую, словно атлас, щеку.

– Вы искали меня, леди Уолсингхем? – спросил он хриплым голосом. – Как это мило с вашей стороны проявлять такую заботу обо мне.

Она резким движением сбросила его руку и прошла в центр комнаты, чтобы он не мог дотянуться до нее. Сцепив на груди пальцы, она наклонила голову набок и посмотрела на него так, словно ее удивляли и возмущали его дерзость и самонадеянность.

– Я христианка, сэр, и мой долг проявлять заботу о душе такого язычника, как вы.

Несмотря на высокопарность слов, в ее карих глазах мелькали озорные огоньки. Франсин хотелось вывести его из себя, чтобы в нем проявился неотесанный варвар. Она не поняла, что он совершенно не злился. В этот самый момент ему хотелось только одного: бросить ее на свою незастеленную постель и овладеть ею со всей страстью дикого и необузданного язычника.

– Вы помолились за меня? – спросил он, отступив на шаг от двери. – Перед вами стоит язычник, который с большой радостью выбросит статуи своих идолов для того, чтобы поклоняться вашему прекрасному телу.

После столь дерзких слов она повела себя совершенно иначе.

– Какой стыд! – пожурила она графа. – Пират, который обладает таким красноречием, без колебаний опускается до богохульства!

Слишком поздно. Леди уже поняла, что, отойдя от двери, а это был ее единственный путь к спасению, совершила стратегическую ошибку. Она осмотрелась, пытаясь найти что-нибудь, что поможет ей защититься. Ее взгляд ненадолго задержался на мече Лахлана и его кинжале, потом она снова посмотрела на обнаженную грудь горца. По мечущимся глазам женщины было понятно, что она охвачена настоящим ужасом.

Лахлан понял свою ошибку и отступил назад. Сначала на шаг, потом еще на один, чтобы увеличить расстояние между ними. Черт побери! Пугать ее совершенно не входило в его планы. Обычно, когда ему хотелось соблазнить прекрасную даму, он вел себя крайне тактично и галантно.

– Вам нечего бояться, миледи, – заверил он, прилагая максимум усилий для того, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. – Вы можете уйти, если хотите. Однако позвольте мне сначала проверить, есть ли кто-нибудь в коридоре.

– Хм-м... – отозвалась она, упрямо наклонив голову. – Почему ты, шотландец, решил, что я боюсь тебя? Ты не посмеешь даже прикоснуться ко мне без моего разрешения. Иначе тебя сварят в кипящем масле.

Напускная храбрость Франсин так развеселила графа, что он, не удержавшись, улыбнулся.

– Я боюсь даже подумать об этом. Вы меня очень напугали. Теперь я понимаю, что, прежде чем что-либо сделать, я должен спросить вашего разрешения, миледи. Я буду стараться поступать именно так. Однако не могу обещать, что у меня это получится, – сказал он и, не сдержавшись, сделал шаг по направлению к ней. – Вы действительно прикажете сварить меня в кипящем масле?

– Можете даже не сомневаться, – предупредила она, презрительно фыркнув.

Но глаза выдавали ее истинные чувства: в них была тревога, которая с каждой секундой усиливалась. Подобрав одной рукой подол юбки, Франсин решительно шагнула вперед. – К тому же вы все неправильно поняли. Вам нет необходимости выглядывать в коридор. Я ни от кого не прячусь. В том числе и от отвергнутого поклонника.

Это, конечно, была явная ложь.

И снова Лахлана поразило то, как неумело и наивно она пытается обмануть его. Несмотря на то что она была представителем пэров королевского двора Тюдоров и при этом еще и вдовой, ее глаза тем не менее выражали простодушие и наивность. Она обладала всеми прекрасными качествами, всеми достоинствами, которыми надлежит обладать титулованной английской аристократке. Он подумал, что среди этих достоинств должны быть еще и утонченность и изысканность, но этого ей как раз и не хватало.

– Если вам не хочется общаться с отвергнутым любовником, то почему вы прячетесь в моей комнате? – спросил Кинрат и стал, скрестив на груди руки. Он понял, что Франсин хочет уйти, и пытался задержать ее.

Опустив голову, графиня принялась рассматривать кружево, которым был отделан лиф ее атласного платья. Прекрасные глаза были скрыты длинными, роскошными ресницами.

– Я пришла к вам по просьбе принцессы Маргарет. Сегодня утром мы отправляемся в дорогу, и ее высочество хотела узнать, есть ли у вас все необходимое для того, чтобы подготовиться к отъезду, – сказала она.

Ее ложь была такой неубедительной и бесхитростной, что он едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Передайте ее высочеству, что я высоко ценю ее заботу обо мне и благодарю за то, что она послала ко мне одну из своих фрейлин. Я, честно говоря, не ожидал, что ко мне будет проявлено такое исключительное и очень необычное внимание.

Франсин нахмурилась. Ей, судя по всему, не понравился его намек на то, что такой презренный пират, как он, удостоился особого отношения со стороны члена королевской семьи. Впрочем, и с ее стороны тоже. Ведь именно этим она объяснила свое неожиданное вторжение в его спальню.

Ожидая, пока эта предприимчивая дамочка поймет, что угодила в свой собственный капкан, Кинрат, воспользовавшись моментом, любовался ею.

Она была настоящим воплощением женственности и нежности. Мягкие, округлые формы, лицо нежно-кремового цвета. Голубое утреннее платье с глубоким вырезом и туго затянутым корсажем выгодно подчеркивало ее соблазнительные формы. Посмотрев на висевший на серебряной цепочке медальон, он перевел взгляд на откровенное, по моде, декольте. Потом поднял глаза выше. К круглому головному убору, отделанному полудрагоценными камнями, была прикреплена тончайшая шерстяная вуаль, под складками которой можно было увидеть ее золотисто-каштановые волосы. Разделенные над гладким лбом пробором, они волной ниспадали на спину.

Медленно подняв глаза, Франсин посмотрела на него, и лучезарная чарующая улыбка тронула ее губы. На одной щеке у нее появилась прелестная ямочка.

Господи, да леди Франсин Уолсингхем так прекрасна, что запросто может выманить золотой соверен, зажатый в кулаке сборщика налогов!

– Вы являетесь официальным представителем короля Джеймса, – сказала она так, как будто бы это все объясняло, и сразу сменила тему разговора. – Надеюсь, вчера вечером вы хорошо повеселились и вам понравились танцы.

– О да, – ответил Лахлан, с радостью последовав новому повороту в беседе. – Жаль только, что вы так рано ушли вместе с другими вдовами, после того как поссорились с маркизом.

– Интересно, почему вы так сожалеете об этом?

Он пожал плечами, изображая полное безразличие.

– Я надеялся, что смогу еще раз потанцевать с вами. К тому же такая прелестная девушка не должна спать одна.

Ее губы изогнулись в ехидной усмешке, а на лице появилось высокомерное выражение.

– Вы совершенно напрасно беспокоитесь, лейрд Кинрат, – ответила Франсин, надменно усмехнувшись. – Да, я поссорилась с маркизом, но это вовсе не значит, что я спала одна.

Она направилась к двери и, когда обходила лейрда, посмотрела ему в глаза. На этот раз взгляд был открытым и вполне искренним. И он всем своим нутром почувствовал, что графиня, скорее всего, сказала правду.

Возможно, виной тому было дерзкое веселье в ее голосе.

Возможно, аромат лаванды, который проплывал возле него легким облачком.

А может быть, пара блестящих карих глаз, которые смеялись над ним и в то же время соблазняли его.

Неважно, что именно послужило причиной, но он вдруг почувствовал, как ревность – это чувство, которое Лахлану еще не доводилось испытывать, – впившись в него своими острыми когтями, разорвала на куски маску безразличия, которую он на себя надел. Стоило ему только представить ее в постели с другим мужчиной, как он почувствовал, что в нем проснулся дикий, первобытный зверь, прежде дремавший где-то в глубинах его естества. По всему телу прокатилась горячая волна желания, до краев наполнив сердце. Ему захотелось заявить во всеуслышание, что эта очаровательная, соблазнительная женщина, с которой он был знаком всего один день, принадлежит ему одному.

Когда Франсин проплывала мимо него, нахально задрав свой маленький носик, Лахлан протянул руку и схватил ее. Проведя рукой по мягким складкам вуали, он запустил пальцы в ее длинные шелковистые локоны и легонько сжал их в ладони.

– Если вы согласитесь разделить со мной ложе этой ночью, леди Уолсингхем, – произнес он хриплым голосом, – то я обещаю, что вы забудете всех мужчин, которые были с вами прежде.

Его лицо было всего в каком-то футе от ее лица, и она, онемев от изумления, подняла глаза и посмотрела на него. Темные изогнутые ресницы обрамляли ее округлившиеся от ужаса глаза. Рот был слегка приоткрыт. Облизав кончиком языка верхнюю губу, она нервно сглотнула слюну.

То, что она была так близко и он сжимал в объятиях ее соблазнительное тело, породило в горце такое искушение, перед которым даже святой не смог бы устоять.

Кинрат еще ближе притянул ее к себе и, почувствовав мягкие груди на своей обнаженной груди, наклонил голову и прижался губами к ее губам.

Прикосновение его теплых губ было настолько завораживающим, что Франсин даже не попыталась вырваться из крепких объятий шотландца.

В отличие от тех, кто целовал ее прежде, Кинрат не впился своими губами в ее губы, требуя, чтобы она ответила на навязанный ей поцелуй. Он просто нежно сжал губами ее верхнюю губу и осторожно потянул, потом стал соблазнительно покусывать ее, как бы приглашая ответить на его ласки. Ответить так, как она сама захочет.

Когда он, слегка повертев головой, выбрал более удобное положение, при этом, однако, не отрываясь от ее губ и даря ей невыразимо приятные ощущения, она положила руки ему на плечи, намереваясь оттолкнуть его. Однако ощущать под своими дрожащими пальцами обнаженное мужское тело было так приятно, что Франсин захотелось продлить это удовольствие.

Мышцы шотландца были сильными и твердыми как камень. Он казался неприступной крепостью. Поняв, что не сможет оттолкнуть его, даже если от этого будет зависеть ее жизнь, женщина почувствовала, как по всему ее телу пробежала горячая дрожь.

Медленно, словно пытаясь продлить удовольствие, Кинрат прервал поцелуй и заглянул ей в глаза.

Затылок Франсин лежал на ладони Лахлана, а она разглядывала его лицо, восхищаясь совершенством черт. Они были классически четкими, словно выточенными из камня умелым мастером, волевыми и невероятно красивыми. Густые рыжевато-каштановые ресницы и брови оттеняли яркую зелень глаз, и поэтому те казались глубже. Умные, они, похоже, видели ее насквозь и могли читать ее бессвязные мысли.

Это были проницательные глаза волшебника и чародея.

Интересно, он уже понял, что она еще ни разу в жизни не испытывала ничего подобного? Понял, насколько она неопытна в любовных делах?

– Я... Вы... – задыхаясь, прошептала она, пытаясь подобрать слова, которые выразили бы степень ее смущения и растерянности.

– Это правда, *красавица*, – сказал он тихим, нежным голосом. – Ты и я. Мы с тобой вместе сотворим чудо.

Очарованная непонятным смыслом этих слов, произнесенных с ужасающей ее фамильярностью, Франсин все же пыталась побороть удивительные ощущения, которыми вдруг наполнилось ее тело. Постепенно замедляя свой бег, время, казалось, остановилось. Она представила, что лежит в объятиях этого дикаря на его смятой постели. И ей так захотелось этого, что стало трудно дышать.

– Чудо? – спросила она низким, хриплым голосом. – Значит, ты все-таки волшебник? Я с самого начала догадывалась об этом. Ты хочешь наложить на меня заклятие с помощью своих странных и непонятных слов?

Его губы медленно расплылись в улыбке, невероятно нежной.

– Нет, миледи, это вы меня околдовали, – сказал он.

Прерывисто вздохнув, Франсин неожиданно почувствовала аромат леса. После ванны Кинрат был свежим и чистым, от него исходил запах сосновых веток и можжевельниковых ягод. Его потемневшие от влаги волосы, которые теперь казались темно-рыжими, были стянуты на затылке кожаным шнурком и заплетены в длинную косу. В свете огня из камина в его ухе поблескивал рубин, такой же экзотический и странный, как драгоценные камни ее веера, привезенного из далекого Китая.

Наклонив голову, он снова поцеловал ее. На этот раз Франсин робко ответила на поцелуй. Погладив широкие плечи, она обняла его за шею и почувствовала под пальцами бьющуюся жилку. Биение было сильным и размеренным.

Не отрывая своих губ от губ шотландца, Франсин застонала от наслаждения. Это был низкий, гортанный звук. Губы шотландца нежно ласкали ее губы, и она закрыла глаза, чтобы ничто не отвлекало ее и не мешало наслаждаться ласками.

Ей начинала нравиться эта интригующая игра, хотя она понимала, что все скоро закончится. В тот самый момент, когда он захочет овладеть ею. Франсин всегда очень осторожно вела себя с мужчинами, не поощряла их и не заводила поклонников. После смерти мужа она довольно неохотно позволяла мужчинам целовать себя, так как знала, что ни с одним из них не ляжет в постель. Господь свидетель, она не собирается выходить замуж во второй раз.

Однако ей пришлось признать, что поцелуи этого долговязого шотландца очень и очень приятны.

Она вдруг почувствовала, как Кинрат гладит языком ее сжатые губы, и удивленно открыла глаза. Она хотела спросить, что он намеревается сделать, но не успела, так как он сунул свой язык прямо ей в рот.

Франсин в ужасе попыталась оттолкнуть его, но он по-прежнему крепко сжимал ее в своих объятиях.

– Что вы делаете? – воскликнула она.

– Что случилось? – спросил Лахлан, удивленно вскинув брови.

Как только она попыталась освободиться, он сразу отпустил ее и отступил назад.

Погрозив ему пальцем, Франсин заявила:

– Я немедленно уйду отсюда, даже не пытайтесь меня остановить.

Он поднял вверх одну руку, давая ей понять, что не стоит волноваться.

– Не надо так нервничать. Вы сможете уйти, когда захотите. Но позвольте мне сначала осмотреть коридор, – сказал он. – Если кто-нибудь увидит, как вы выходите из моей комнаты, могут возникнуть ненужные разговоры.

Не дожидаясь ее ответа, Кинрат повернулся и пошел к двери. Открыв ее, он выглянул в коридор.

Франсин смотрела на него, словно громом пораженная. От увиденного ей стало страшно, колени задрожали: его широкие плечи и верхнюю часть мускулистой спины покрывала огромная татуировка в виде ястреба с расправленными крыльями.

О боже, ей ни на минуту следовало не забывать о том, кем он был на самом деле!

Ястреб! Чародей Моря!

Ее щеки вспыхнули ярким румянцем от досады и разочарования. Она почти поддалась его любовным чарам, забыв, что он предводитель шотландского клана и обладает огромной магической силой. Он произносил свои таинственные слова таким мягким, завораживающим голосом, что едва не заколдовал ее.

– Я должна уйти. Немедленно, – хрипло прошептала Франсин.

– Думаю, что вам больше нечего бояться, вы можете уйти, миледи, – сказал Кинрат, галантно поведя рукой в сторону двери.

Пряча глаза, Франсин вышла вслед за ним в пустой коридор и, подобрав юбки, помчалась прочь. Прежде чем повернуть за угол, она оглянулась.

Граф Кинрат стоял возле двери, небрежно опершись плечом о деревянный косяк и скрестив на груди руки. Его большое, атлетически сложенное тело было прикрыто одним только полотенцем. На губах играла легкая усмешка. Глядя на то, как светятся его темно-зеленые глаза, можно было подумать, что он не сомневается, что рано или поздно заманит ее в свою постель, и разубедить его в этом никто не сможет.

Господь милосердный! И этот мужчина будет охранять ее во время поездки в Шотландию! Именно ему ей придется доверить свою жизнь.

Возможно, он волшебник и чародей, возможно, он знает много магических заклинаний и ужасных обрядов, но ему никогда не удастся соблазнить Франсин. Она должна остаться вдовой. Слишком многое зависит от этого. Заводить любовника – слишком большой риск. Хотя соблазн велик...

Ее не удастся заманить в ловушку даже предводителю клана шотландских горцев с магическими способностями и внешностью античного бога.

Глава пятая

– Я не представляю, какими соображениями руководствовался король, назначая этого бесчестного пирата и его родственников сопровождающими нашего кортежа во время переезда в Шотландию, – пожаловалась Франсин. – Он выбрал совершенно неподходящего человека.

Оливер Сеймур, пятый герцог Беддигфелд, сидел за столом, удобно устроившись в мягком кресле. Он пригладил рукой копну седых волос и посмотрел на нее спокойным, задумчивым взглядом.

– Я понимаю, вы крайне огорчены тем, что его величество выбрал именно лейрда Кинрата в качестве вашего личного охранника. Однако, моя дорогая, из дипломатических соображений вы должны постараться скрыть ваши чувства к нему.

– Одно я знаю точно: этот человек – пират, – пренебрежительно фыркнув, сказала Франсин.

– Да, англичане считают этого малого пиратом, – признал Оливер. – Однако в глазах своих соотечественников он – отважный капитан капера, великолепно знающий морское дело. Его король выдал ему каперское свидетельство и свидетельство на репрессалию⁷, а это, согласно морскому закону, дает ему право нападать на вражеские корабли и захватывать их в плен. Вот уже восемь лет он вместе с двумя своими не менее знаменитыми братьями защищает шотландские корабли от португальских и голландских пиратов, не говоря уже о наших корсарах. Мы как государство тоже занимаемся морским разбоем и нападаем на торговые суда, плавающие по морям и океанам. Кроме всего прочего, Фрэнси, король Джеймс питает к лейрду Кинрату исключительную благосклонность и оказывает ему особое покровительство.

– Он, возможно, и питает, но я нет, – ответила Франсин, плюхнувшись в кресло, стоявшее перед столом Беддигфелда. – Этот человек неуклюжий, как медведь, и вспыльчивый, как деревенский козел. Он меня просто раздражает.

Друзья разговаривали в личных апартаментах герцога, которые он имел во дворце Колливестон. Было большой удачей застать герцога на его половине, так как старейший советник короля уже собирался спуститься во двор, чтобы вместе со всеми придворными попрощаться с Франсин и пожелать ей счастливого пути. Дело в том, что этим утром Франсин со своей свитой должна была отправиться в дорогу чуть раньше основного кортежа.

Наклонившись вперед и положив на стол скрещенные руки со вздувшимися синими венами, Оливер внимательно посмотрел на нее.

– Кинрат занимает такое же высокое положение, как и вы, Франсин, и славится, особенно среди благородных дам, обходительностью, любезностью и приятными манерами. Я уверен, что он и его родственники защитят вас и вашу свиту от любой опасности, которая может встретиться на вашем пути, – сказал он. – А так как он, насколько я знаю, беззаветно предан королю Джеймсу, то прекрасно понимает, что в интересах своей страны и сюзерена должен доставить вас целой и невредимой в Эдинбург, где состоится королевская свадьба. Я уверен, что, даже если ему придется пожертвовать собственной жизнью, чтобы защитить вас, он это сделает.

– Я очень сомневаюсь, – возразила Франсин. – Этот шотландец грубый, высокомерный и какой-то совершенно... совершенно чужой.

Проницательные глаза Оливера засветились любопытством.

⁷ В международном праве – принудительная мера, применяемая одним государством в ответ на неправомерные действия другого.

– Я был в тронном зале, когда король Генрих представлял вас Лахлану Мак-Рату, и, честно говоря, не нашел ни единого повода, который позволил бы упрекнуть его в невоспитанности. Напротив, я был очень удивлен тем, с каким достоинством он держался, находясь в окружении такого множества врагов, – сказал Беддигфелд, ободряюще улыбнувшись. – Ну же, Фрэнси, признайтесь, чем Кинрат так сильно обидел вас?

Вскочив с места, женщина принялась расхаживать по комнате взад-вперед, словно меряла шагами ковер. Гордо вскинув голову и уперев руки в боки, она плотно сжала губы, так как ей не хотелось продолжать объяснения.

Герцог Беддигфелд был близким другом ее покойного супруга еще с того времени, когда оба они только начинали служить при дворе Тюдоров. А случилось это почти двадцать лет назад. Тогда Генрих – в то время он был еще графом Ричмондом – как раз отобрал корону у Ричарда III. Франсин знала, что может доверять Оливеру Сеймуру. Она помнила, что Матиас всегда восхищался тем, насколько преданным и надежным другом был этот выдающийся государственный муж.

Однако если она сообщит герцогу о том, что Кинрат поцеловал ее и предложил стать его любовницей, то придется рассказать всю правду, то есть признаться и в том, что она сама ворвалась в спальню к этому мужчине. В том, что там случилось потом, по большей части виновата сама Франсин. По правде говоря, ей невероятно повезло, что он всего лишь поцеловал ее. Он, пират и чародей, вел себя почти по-рыцарски.

Опустив голову, женщина посмотрела на свои руки и пожала плечами.

– Вы знаете, как я отношусь к шотландцам, – смущенно пробормотала она. – Я никогда не скрывала от своих близких и друзей, что боюсь их.

Беддигфелд улыбнулся, медленно покачав головой. Так, словно собирался сделать ей выговор.

– Я также знаю, что Матиас всячески пытался убедить вас, Фрэнси, что в этом вопросе следует придерживаться более либеральных взглядов. Наша юная принцесса скоро станет королевой Шотландии, а вы по-прежнему относитесь к ним с такой неприязнью. Почему?

– У меня на это есть свои причины, – ответила Франсин, гордо вскинув голову. – И поверьте, всякий раз, когда я думаю о том, что принцессу Маргарет заставили выйти замуж за шотландского короля ради заключения мирного договора, мое сердце сжимается от боли. Несчастная наивная девочка! В Англии всем, кроме ее высочества, известно, что ее будущий муж уже имеет несколько незаконнорожденных детей от трех разных любовниц.

– Любой отпрыск королевской фамилии должен быть готов к тому, что ему придется вступить в брак, руководствуясь интересами государства, – сказал Оливер, смиренно подняв к небу глаза и вскинув свои белоснежные брови. – И за такую жертву мы, простые смертные, должны быть бесконечно благодарны им. Вы прекрасно знаете, моя дорогая, что мир между государствами часто заключается не на поле боя, а на брачном ложе. Король Джейми до настоящего времени был холостяком, а ему уже тридцать лет, и поэтому нет ничего удивительного в том, что у него есть внебрачные дети.

– Что ж, по крайней мере, от меня не требуют, чтобы после королевской свадьбы я осталась в Шотландии на постоянное жительство, – сказала Франсин, подходя к окну и выглядывая во внутренний двор, вымощенный крупным булыжником. Там скоро ее будут ждать оседланные лошади. – Слава богу, мне, в отличие от некоторых фрейлин Маргарет, не придется выбирать себе в мужа шотландца.

– Кстати, о выборе супруга, – сказал Беддигфелд, добродушно улыбнувшись. – Знаете ли вы, что маркиз Личестер снова пытается уговорить короля Генриха дать ему разрешение на брак с вами? Вы, Франсин, хотя и не принцесса, но все-таки являетесь наследницей огромного состояния. Несмотря на то что Англия и Шотландия заключили Договор о вечном

мире, земли, которые оставили вам в наследство отец и покойный супруг, для нашего короля являются предметом особой заботы, так как они расположены слишком близко от границы.

– Я знаю. – Франсин повернулась и, тяжело вздохнув, опустилась на обитую золотистым бархатом скамью у окна. – Я говорила Личестеру, что не собираюсь выходить замуж во второй раз, но он тем не менее не желает смириться с моим ему отказом. Почему я не могу остаться просто вдовой?

Оливер подошел к окну и сел на скамью рядом с ней. Взяв руку Франсин, он осторожно сжал ее.

– Конечно, могли бы, не будь у вас, Фрэнси, за душой ни гроша. Однако, принимая во внимание размеры ваших владений и то, где они расположены, наш король хочет, чтобы ими управлял сильный мужчина, который сможет защитить эти земли. А Личестер имеет очень влиятельного союзника в лице своего кузена. Король Генрих прислушивается к мнению герцога Нортумберленда.

Франсин прекрасно знала о том, что Личестер был кузеном и протеже лорда Гарри Перси. Поговаривали даже, что Нортумберленд богаче самого короля.

Увидев, что Оливер пристально смотрит на нее своими голубыми глазами, она покачала головой.

– Я одного не могу понять: почему Эллиот преследует меня с таким упорством? Вы знаете, что он в первый раз попросил у отца моей руки, когда мне было пятнадцать лет?

– Да, знаю. – Беддигфелд нежно потрепал ее по щеке. – Матиас рассказал мне об этом в тот самый день, когда сообщил о вашей свадьбе. Признаюсь, что из-за огромной разницы в возрасте новость о вашем браке с моим старым другом меня поначалу ошеломила. Но сейчас я достаточно хорошо знаю Личестера и полностью согласен с тем, что вы тогда приняли правильное решение. И я абсолютно уверен, что Матиас ни одной минуты не сожалел о том, что женился на вас.

– Да вы льстец, – тихо сказала Франсин, усмехнувшись.

– А что касается того, почему Личестер проявляет такую настойчивость, то вы, Фрэнси, сразу поймете это, как только посмотрите на себя в зеркало. Вы с Эллиотом жили по соседству. Вы росли с ним вместе. Я думаю, что он полюбил вас, будучи еще подростком. Когда юноша – зеленый, незрелый, неискушенный – в первый раз страстно влюбляется в прелестную девушку, а она решительно отказывает ему, то он помнит об этом всю оставшуюся жизнь.

Франсин недовольно поморщилась, представив, что отвергнутый ею кавалер будет надоедать ей до самой смерти.

– Маркиз достаточно богат и знатен, и я уверена, что многие женщины с радостью бросятся в его объятия, закрыв глаза на высокомерие и презрительное отношение Эллиота к тем, кто беднее. Святой Боже, да ведь и у Личестера уже есть внебрачные дети! И их у него не меньше, чем у короля Джеймса. Почему же он продолжает меня преследовать?

Беддигфелд задумался, сдвинув брови. От этого морщины у него на лбу стали казаться глубже.

– Возможно, маркиз так упорствует из-за того, что вы ему отказали. Однако у меня другое мнение. Я думаю, что Эллиот, несмотря на все свои недостатки и пороки, действительно любит вас так сильно, как только может человек, подобный ему, любить другого человека. И он намерен заполучить вас любой ценой. Наверное, Фрэнси, для вас так же, как и раньше, существует только один способ избежать вынужденного брака с Эллиотом: выйти замуж за другого джентльмена. И сделать это нужно до того, как Нортумберленд и Личестер совместными усилиями уговорят его величество дать разрешение на ваш брак.

Сжав в ладонях морщинистые пальцы Оливера, Франсин поднесла их к своим губам.

– Не хотите ли вы стать моим мужем? – спросила она, кокетливо улыбнувшись.

Беддигфелд залился веселым смехом.

– Нет, нет, Фрэнси. Моя дорогая девочка, предложение, конечно, весьма заманчивое, но мне семьдесят шесть лет, и в мужья я уже не гожусь. Вашим новым мужем должен стать молодой, здоровый и сильный мужчина. Такой, который сможет подарить вам множество детишек, чтобы в старости было кому заботиться о вас.

Глядя в его пронизательные и лукавые глаза, Франсин пыталась понять, догадался ли Оливер Сеймур о том, почему она вышла замуж за Матиаса. Ведь герцог очень хорошо знал его. Беддигфелд не был другом Личестера, но никогда не стал бы высказывать своих опасений, если бы его не волновала ее судьба и судьба ее дочери.

– Я сказал королю, что вы не хотите принимать предложение маркиза, – продолжал Оливер. В его словах было искреннее сострадание и участие. – Кроме того, я высказал свои опасения по поводу того, что этот мужчина сделает вас глубоко несчастной. Король решил отказать Личестеру в его притязаниях. По крайней мере, до тех пор, пока вы оба не вернетесь из Шотландии. За это время его величество сможет подобрать вам подходящего жениха, рассмотрев все возможные кандидатуры. Если за это время вы сами найдете достойную замену, то король Генрих, я в этом нисколько не сомневаюсь, прислушается к вашему мнению.

– Ах, если бы нашелся мужчина такой же добрый и заботливый, как Матиас, – вздохнула Франсин, нежно сжав руку Оливера. – Такой, который сможет полюбить Анжелику как родную дочь. Однако насколько я знаю, многие джентльмены относятся к ребенку от другого мужчины всего лишь как к неприятному дополнению. Кроме того, я твердо решила не выходить больше замуж.

Беддигфелд, обхватив ладонями лицо Франсин, нежно поцеловал ее в лоб.

– Возможно, во время этой поездки, моя дорогая, вы измените свое решение. В любом случае, я рад, что вы разыскали меня, так как мне нужно обсудить с вами еще один вопрос. Сегодня утром, после мессы, я имел беседу с королевой-матерью. Она высказала сомнения по поводу того, что во время вчерашнего банкета высокопоставленных лиц из Шотландии разместили в соответствии с их высоким статусом. Согласно протоколу, оба графа должны занимать более почетные места и сидеть ближе к королю, чем послы Испании и Франции.

Франсин усмехнулась, даже не пытаясь скрыть свою иронию.

– Я знаю, – ответила она. Сказать правду женщина могла только Оливеру, никому больше. – Мне просто не хотелось сидеть с ними за одним столом. Я не смогла бы поддерживать вежливую, непринужденную беседу.

– Фрэнси, Фрэнси, – мягко пожурил ее Оливер. – Ваш супруг так много сделал для того, чтобы брак принцессы Маргарет и короля Джеймса стал реальностью. Я настоятельно прошу вас забыть ваши страхи и относиться к этим двум шотландским дворянинам как к союзникам и друзьям.

– Я попытаюсь, – вздохнула Франсин. – Однако я никогда не смогу забыть о том, что именно шотландец хладнокровно зарезал моего жениха на пустынном поле боя.

Оливер погладил ее по плечу, выражая сочувствие.

Наверное, Матиас рассказал ему о смерти раненого в битве на Чевиот-Хилсе Уилла Джеффриса, которому свирепый горец ножом перерезал горло.

– И все же, моя дорогая, леди Маргарет просит уделить особое внимание тому, чтобы во время банкетов, которые будут даваться в городах, расположенных на пути следования королевского кортежа, строго соблюдался придворный этикет. Эти два шотландских лорда всегда должны сидеть ближе к принцессе, чем иностранные послы.

– Я постараюсь сдерживать свои чувства, – пообещала Франсин, – и вести себя так, как учил меня Матиас. В память о нем и во имя сохранения мира между нашими странами, ради заключения которого вам с ним пришлось так много потрудиться, я буду весело смеяться и вести непринужденные беседы с шотландскими лейрдами. Словом, буду вести себя как

дрессированная обезьянка на бархатном поводке. Однако не думайте, что мне это доставит удовольствие.

Оливер снова ласково потрепал ее по щеке, потом приобнял, обхватив рукой за плечи.

– Конечно, моя дерзкая и своенравная девочка, – сказал он, заговорщицки подмигнув ей. – Если бы я был лет на сорок моложе, то непременно принял бы ваше предложение руки и сердца.

Улыбнувшись ему в ответ, Франсин уже совершенно серьезным голосом спросила:

– Оливер, вы верите в существование колдунов и волшебников?

– Почему вы спрашиваете об этом? – спросил он, удивленно вскинув свои седые брови.

– Матиас не верил в такие вещи, как колдовские чары и магические заклинания, – пожал плечами, сказала она. – Однако мне интересно...

– Лучше не говорить об этом вслух, – предупредил ее лорд Оливер. – Любого человека, заподозренного в том, что он занимается магией, обычно сурово наказывают, независимо от того, доказана его вина или нет. А открытое отрицание того, что она существует, может привлечь нежелательное внимание со стороны священнослужителей, причем в самой неприятной его форме.

– Я не совершу подобную глупость, – заверила его Франсин. – Ведь у меня есть дочь. Анжелика – вот моя первейшая и главнейшая забота. Я должна вести себя так, чтобы никогда ни у кого не возникло сомнений в том, что я в состоянии оберегать и защищать ее.

– Вот тот парень, которого вы хотели видеть, лейрд, – крикнул Колин Мак-Рат, заходя в конюшню. За ним плелся какой-то юноша со светлыми взъерошенными волосами.

В этот момент Лахлан осматривал копыта одной кобылы. Подняв голову, он посмотрел на вошедшего, коротко кивнул ему в знак приветствия и вернулся к своему занятию. Он ощупал колени гнедой и, когда лошадь, испугавшись, слегка подалась в сторону, ободряюще похлопал ее по спине. Потом он проверил подпругу и узду. Эта изящная берберийская кобыла была красивой и, несмотря на хорошую дрессировку, довольно своенравной. Лахлан понял, почему графиня выбрала именно ее для первого дневного переезда.

– Ты можешь идти, – наконец обратился он к своему долговязому и рыжеволосому кузену, передавая поводья. – Выведи во двор лошадь леди Уолсингхем и пони ее дочери, который стоит в соседнем стойле, и привяжи рядом с моим конем. Остальная ее челядь уже должна быть готова к отъезду. Ими занимался твой отец. Скажи, что я скоро приду.

Колин кивнул и, негромко насвистывая, повел лошадь из конюшни.

Лахлан повернулся к музыканту, который молча стоял возле него, взволнованно ожидая, когда с ним заговорят. В конюшне, кроме них, никого не было.

– Как тебя зовут, парень? – спросил Лахлан.

Юноша, которому, по всей видимости, не было и двадцати лет, с тревогой посмотрел на шотландца. Под бело-зеленой ливреей королевского дома Тюдоров можно было разглядеть узкую грудь и тощие ноги. Длинными пальцами он стянул с головы кепку, и его прямые как пакля волосы, упав на высокий лоб, закрыли его по самые брови. Дрожащей от волнения рукой парень отбросил непослушную прядь назад.

– Нед Фрейзер, милорд, – ответил он, приняв серьезный вид.

– Ты, Нед, знаешь, кто я?

– Да, лейрд, знаю, – ответил юноша, учтиво кивнув головой. – Вы – Мак-Рат из Кинрат-кейна. Мой клан живет на острове Скай.

– И ты тот самый парень, который вчера вечером играл на волынке. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Да, сэр, я, – согласился Фрейзер. Нахмутив брови, он разглядывал узкое стойло и, судя по всему, пытался понять, что за странный допрос ему учинили.

– Шотландец, который играет на волынке при дворе короля Генриха! – сказал Лахлан, удивленно вскинув брови. – Вот уж такого я точно не ожидал увидеть.

– О, я редко играю на волынке, – поспешил объяснить Фрейзер. – По правде говоря, только когда цыгане вышли в пледах Кемпбеллов, я понял, что они будут изображать горцев или разыгрывать из себя полных недоумков, чтобы повеселить публику. Я не думал, что это может обидеть кого-нибудь из моих соотечественников-шотландцев, лейрд. Я всего лишь сделал то, что мне приказали. – Втянув шею в худенькие плечики, он добавил: – Обычно я играю английские мелодии на гобое или деревянной флейте.

– Кто приказал тебе играть на волынке? – спокойным голосом спросил Лахлан.

– Сдается мне, что приказ был отдан Главным королевским комедиантом. – Прежде чем продолжить отвечать, юноша задумался, нахмутив лоб. – Я не думаю... – Он осекся, так как в присутствии шотландского лейрда им овладела робость.

– Продолжай, – подбодрил его Лахлан. – Что ты хотел сказать?

– Да, милорд. Вчера вечером на галерее музыканты шептались о том, что весь этот спектакль придумала какая-то благородная дама. Но в такую бессмыслицу, – поспешно добавил он, – может поверить только последний болван.

– И как же зовут ту леди, которая якобы сочинила этот фарс?

– Ой, не знаю, – признался Нед Фрейзер. – Остальные музыканты тоже не поверили. По крайней мере, никто не стал ломать голову над тем, кто она такая, решили, что это пустая болтовня.

Лахлан поверил в то, что юноша говорит правду, и, кивнув в сторону двери, дал ему понять, что разговор окончен.

– Можешь идти, парень, – сказал он и протянул музыканту пятишиллинговую монету.

Нед поспешно удалился, а Лахлан, наклонившись, взял перчатки для верховой езды, которые лежали на стог сена. Выпрямившись, он увидел, что возле стойла, всего в нескольких шагах от него стоит маркиз Личестер. Позади, возле огромных ворот конюшни, топтались два здоровенных крепких солдата из его охраны, которые должны были предотвратить нежелательное вторжение посторонних.

С воинственным видом шагнув вперед, английский дворянин упер руки в боки и уставился на Лахлана. Он был вооружен: с одной стороны к его поясу был пристегнут широкий меч, а с другой кинжал. Камзол из черного бархата стягивал его мощную грудь бочкообразной формы, а длинные мускулистые ноги были обтянуты плотными лосинами.

– Я пришел, чтобы честно предупредить тебя, мерзкий выродок, – злобно прорычал маркиз.

Широкоплечий, крепкого телосложения, ростом, правда, ниже Лахлана, он держался с уверенностью рыцаря, который только и делает, что упражняется в военном искусстве. Хлопнув перчатками по ладони, шотландец двинулся к пылающему от гнева господину и, подойдя к нему почти вплотную, остановился.

– Говори, зачем пришел, Личестер, да побыстрее. Мне сегодня целый день придется скакать верхом, и я должен отправиться в путь ровно в назначенное время.

Враждебный тон Лахлана окончательно вывел из себя Эллиота Броума, и он сжал рукой эфес своего меча.

– Графиня Уолсингхем обещана мне, – заявил он, презрительно усмехаясь. – После возвращения из Шотландии мы с ней поженимся. Поэтому держись от нее подальше. Она не пара такому ничтожеству, как ты.

Личестер явно заблуждался, и Лахлану очень хотелось устать отвергнутого любовника, сказав, что этой ночью леди Уолсингхем спала не с ним, а с другим, более удачливым в амурных делах джентльменом. Но он не стал этого делать. У него на это было две причины. Во-первых, не в его правилах было подставлять ничего не подозревающего мужчину, направив

на него гнев этого грубияна. Во-вторых, это было бы равносильно признанию, что ему нравится обворожительная графиня.

– Если эта леди – ваша невеста, то она даже не станет смотреть в мою сторону, – ответил Лахлан холодновато-равнодушным тоном. – К тому же я никогда насильно не навязываю женщинам свои ухаживания.

Спокойный тон, каким были сказаны эти слова, подействовал на Личестера так, как на быка действует красная тряпка. От злости на висках у маркиза вздулись вены. Даже сквозь густую черную бороду было видно, как побагровело его лицо.

– Ты на что намекаешь? – взревел он, задыхаясь от гнева. – Что ты такое говоришь, парень? Что я навязываю?

Натягивая длинные перчатки, Лахлан смотрел в горящие ненавистью черные глаза англичанина.

– Если уж мы заговорили о представительницах слабого пола, Личестер, то я понятия не имею о том, что вы там с ними делаете, а чего не делаете, – сказал он. – Однако, принимая во внимание ту сцену, которую вы вечером устроили во время танцев, я подозреваю, что вы ухаживаете за женщинами так же неумело, как танцуете павану. А теперь прочь с моей дороги!

Маркиз сжал рукоять меча так, что побелели пальцы, но все же из ножен его не вытащил.

– Помни, что я тебе сказал, – произнес он, скрежеща от злости зубами. – Иначе одним мертвым шотландцем станет больше.

Грязно выругавшись, он повернулся и вышел из конюшни. Его охранники последовали за ним.

Лахлан глубоко презирал тех, кто на поле боя добивал раненых соотечественников. Однако его отправили в Англию для того, чтобы он во время путешествия защитил графиню Уолсингхем от возможных опасностей и невзгод и помог ей добраться до Шотландии живой и невредимой, а не для того, чтобы затевать ссоры с придворными Тюдоров. Если эти двое англичан действительно обручены, он, из дипломатических соображений, будет держаться подальше от вдовствующей графини. В конце концов, утром она ясно дала ему понять, что у нее есть другой мужчина.

Прошло сорок минут. Лахлан с нетерпением ждал, когда леди Франсин Уолсингхем спустится во двор замка Колливестон. Она задерживалась. Впрочем, он предвидел это и понимал, что они отправятся в путь на целый час позже, чем было намечено. Сейчас случай позволяет ему лишний раз убедиться в том, что он достаточно хорошо изучил женскую натуру.

Вне всякого сомнения, она придет тогда, когда сочтет нужным. А объясняя причину, по которой им пришлось задержать отъезд, скажет, беспечно пожав плечами или небрежно махнув рукой, что никак не могла выбрать дорожный костюм. Или найдет другое, не менее абсурдное оправдание.

Лахлан оглядел собравшихся во дворе людей, которые в ожидании отъезда уже начали проявлять нетерпение. Рядом с ним, во главе кортежа, держа под уздцы их лошадей, стоял его дядя, Уолтер Мак-Рат, который в клане был вторым по старшинству после него. Еще один его соплеменник, Касберт Росс, находился в конце кортежа и нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле своего огромного серого першерона. Он должен был присматривать за запасными лошадьми и повозками с багажом. Середину колонны опекал Колин. Он должен был взять на себя заботу о слугах леди Уолсингхем, которые сейчас, радуясь выпавшей свободной минутке, о чем-то весело болтали между собой и смеялись. Они, похоже, уже привыкли к тому, что им часто приходится ждать свою госпожу.

Недовольно поморщившись, Кинрат посмотрел на своего дядю. Когда их взгляды встретились, Уолтер добродушно улыбнулся.

– Было бы неплохо, если бы ты, мальчик, научился сдерживать свой вспыльчивый нрав, – сказал он, понимающе кивнув головой. – Мы еще даже не выехали за ворота этого замка, а ты уже завелся. Помни, что у нас впереди длинная и тяжелая дорога.

Лахлан улыбнулся, признавая, что дядя дал ему хороший совет.

– Ты, черт возьми, прав, – согласился он. – Чтобы сопровождать благородную даму, которая путешествует по стране, требуется ангельское терпение. В ту самую минуту, когда Данбартон сообщил мне о том, что я буду охранять кортеж вдовствующей графини, я понял, что моя жизнь вскоре превратится в настоящий ад.

Почесав мозолистым пальцем свой большой сломанный нос, Уолтер сказал:

– Пойми одно: обучать английскую леди пунктуальности и тактичности – это все равно что обучать дикого кабана петь григорианские псалмы в церковном хоре. Все закончится тем, что эти мудреные уроки доведут тебя до полного отчаяния и страшно разозлят кабана.

Не сдержавшись, Лахлан расхохотался. Его дядя прав. Ведь всем известно, что титулованные английские дамы – самые эгоистичные существа на всей земле. И с этим ничего не поделаешь.

Когда вся собравшаяся во дворе компания внезапно притихла, стало понятно, что появилось это самое эгоистичное и прекрасное существо.

Повернув голову, Лахлан увидел, что на самом верху широкой дворцовой лестницы, рядом со старейшим советником английского короля стоит леди Франсин Уолсингхем. Когда они оба посмотрели на него, то по выражениям их лиц горец понял, что его предположение было ошибочным. Эта леди задержалась не из-за того, что ей трудно было выбрать костюм для верховой езды. Их хмурые и унылые взгляды, направленные в его сторону, свидетельствовали о том, что герцог Беддигфелд и вдовствующая графиня говорили о нем и оба были крайне недовольны тем, что путь на север длиной в сотни миль ей придется проделать в его сопровождении.

Гнев Лахлана моментально улетучился, когда он увидел перед собой трогательную сцену: маленькая девочка лет пяти крепко сжимала руку леди Уолсингхем. Обе они были одеты в одинаковые ярко-красные, отороченные черным бархатом костюмы для верховой езды. Свои светло-каштановые головки они украсили маленькими, отделанными перьями ворона шляпками из черного бархата, слегка сдвинув их набок. Одинаковые перчатки и сапожки из черной лайки делали их сходство полным.

Ни у кого не возникло сомнений в том, что эта девочка – дочь графини, так как она была миниатюрной копией своей матери. Однако, в отличие от родительницы, которая смотрела на Лахлана угрюмым взглядом, эта изящно одетая малышка улыбнулась ему веселой и радушной улыбкой. Судя по всему, девчужке не терпелось отправиться в путь, навстречу невероятным приключениям.

Стоявшая по другую сторону от ребенка няня – это была дама невероятно высокого роста, – буквально сверлила его своим пристальным взглядом. Ее черные глаза зло сверкали под густыми, сросшимися на переносице бровями, а крупный крючкообразный нос напоминал орлиный клюв. Эта враждебно настроенная служанка была синьорой Грациоли.

До сегодняшнего утра никто, даже граф Данбартон, не удосужился сказать Лахлану о том, что, кроме своенравной и избалованной вдовы, он будет охранять еще и ее маленькую дочь и злобную итальянку – няню малышки.

Тысяча чертей!

Всю дорогу до самой Шотландии ему придется сопровождать не одну, а сразу трех женщин. И двое из этой троицы считают, что одним фактом своего существования он, словно мерзкая короста, портит их идеальный, чуждый ему мир.

Лахлан подошел к лестнице в тот момент, когда все четверо уже спустились.

– Мы задержались с отъездом, – сказал он, даже не пытаясь скрыть своего раздражения. – Я думаю, что нам нельзя больше терять ни минуты.

– Да, вам лучше немедленно отправиться в путь, – кивнув головой, сказал Беддигфелд. Помолчав немного, он сурово сдвинул брови и посмотрел прямо в глаза Лахлану. – Надеюсь, вы, Кинрат, понимаете, какую огромную честь оказал вам его величество, доверив охранять леди Уолсингхем во время путешествия на север. Вы лично несете ответственность за ее жизнь и благополучие. Если у графини появится повод пожаловаться, что вы, являясь послом Шотландии, ведете себя недостойно, то об этом прискорбном факте немедленно сообщат вашему королю.

– Неужели эта леди уже успела пожаловаться на меня? – посмотрев на Франсин, спросил Лахлан.

Ее щеки моментально залились румянцем, и, чтобы не показать своего смущения, она сурово сдвинула брови.

– Я надеюсь, что забота о моей безопасности и безопасности моего ребенка станет вашей самой главной задачей.

– Даю вам слово, что так оно и будет, – сказал он и, посмотрев на маленькую девочку, улыбнулся. – А кто это у нас здесь такой? – спросил он, стараясь говорить спокойным, ласковым голосом, чтобы не испугать ребенка.

– Меня зовут леди Анжелика, – ответила она, сделав легкий реверанс. – А вы – лорд Кинрат. Мама сказала, что вы будете нас сопровождать всю дорогу до самой Шотландии и что вы не заблудитесь, потому что хорошо знаете, как туда ехать, ведь там ваш дом.

Подняв голову, девочка посмотрела на него своими круглыми доверчивыми глазками – они были такими же светло-карими, как у матери. Лахлан ясно ощутил, как сжалось его сердце.

– Конечно, малышка, – ласково сказал он. – Мы не заблудимся. Я знаю дорогу домой так же хорошо, как малиновка, которая каждую весну возвращается в родные края. А теперь, если не возражаешь, я посажу тебя на твоего пони.

Радостно улынувшись, Анжелика сжала своими ручонками его затянутую в перчатку ладонь.

– Вам придется поднять меня, – сказала она ему. – А потом вы должны помочь маме. Она, конечно, выше меня, но все равно не сможет сесть в седло без посторонней помощи, а вы должны помогать нам, потому что так сказал король, хотя на самом деле мама не хочет, чтобы вы ехали вместе с нами до самой Шотландии.

– Я почти за честь помогать вам обеим, – заверил он ребенка.

Держась за руки, Лахлан и Анжелика прошли через вымощенный булыжником двор. За ними следовали леди Уолсингхем и сердитая нянька. Подняв девочку, он посадил ее на валлийского пони, который стоял возле берберийской лошади графини.

– Этой ночью я спала с мамой, – призналась Анжелика, радостно взвизгнув.

Лахлан сделал вид, что не услышал, как за его спиной мама малышки изумленно выдохнула: «О-о-о!» Посмотрев в карие глазки ребенка, такие наивные и чистые, он пришел в полный восторг. Ему так понравилось ее простодушное признание, что, передавая девочке поводья, он не смог удержаться от улыбки.

– Неужели это правда, малышка?

– Да. Мне приснилось, что в шкафу сидит злая колдунья, и когда мама вернулась после танцев, то разрешила мне залезть в ее большую кровать. Она всегда так приятно пахнет. А утром, перед тем как уйти в церковь, она позволила мне позавтракать вместе с ней.

– Ты утром искала колдунью? – спросил он.

– Мама искала, но в шкафу было пусто – все мои вещи еще вечером уложили в дорожный сундук. Моего пони зовут Мерлин, потому что он из Уэльса и еще потому, что так звали волшебника короля Артура. А в Шотландии есть колдуньи и волшебники?

– Я ни одного не видел, – сказал он. – Однако мне говорили, что в горах живут феи и эльфы.

От волнения Анжелика начала ерзать в седле. Пони, испугавшись, тряхнул головой, и его длинная рыжая грива взметнулась, словно вихрь.

– А мы их увидим? – с надеждой в голосе спросила девочка.

Поймав уздечку, Лахлан погладил Мерлина по черному шелковистому носу.

– Мы не поедem в горы, – ответил он и тут же подумал, что ему очень бы хотелось показать этой девочке и ее прелестной маме суровую красоту гор его родной страны.

– Проверь еще раз стремяна у ребенка, – сказал Лахлан, махнув рукой своему дяде. – А потом помоги ее няньке сесть в седло.

– Ты пустомеля и бездельник, – проворчал Уолтер, перейдя на шепот и подперев своими мозолистыми ладонями бока. – В следующий раз я займусь ребенком, а ты будешь прислуживать этой злой старой ведьме. Вон, глянь, как это чертово отродье смотрит на меня. Словно хочет испепелить своими глазами.

– Она совершенно безобидное существо, – покачав головой, ответил Лахлан.

Подойдя к горячей берберийской лошади, которая стояла возле его огромного гнедого жеребца, Кинрат наклонился, чтобы помочь графине, ведь Анжелика сказала, что это входит в его обязанности.

– Миледи, – обратился он к Франсин. Его голос снова звучал звонко и весело.

Леди Уолсингхем молча схватила за натянутую в перчатку руку за плечо шотландца и, подняв ногу, поставила сапог на его сложенные в форме чаши ладони. Лахлан слегка приподнял ее, помогая сесть в седло. Ему очень хотелось погладить ножку, скрытую под мягкой черной кожей, однако он из соображений благоразумия поборол это искушение.

Принимая из его рук поводья, графиня посмотрела на него. Их взгляды встретились. Ее блестящие глаза были наполовину скрыты веером густых длинных ресниц.

– Что вас так насмешило? – спросила она, пытаясь справиться с раздражением.

– Просто я был приятно удивлен, узнав, что этой ночью вы делили ложе с таким забавным компаньоном, – громко ответил Лахлан. Он даже не пытался скрыть свою радость или хотя бы перейти на шепот. – Должен признаться, что я согласен с леди Анжеликой. Вы действительно очень приятно пахнете. Я всегда был равнодушен к запаху лаванды.

Франсин смотрела на этого несносного мужчину, сурово сдвинув брови. Ей хотелось сказать ему какую-нибудь колкость, чтобы как можно больнее задеть его самолюбие и навсегда стереть с его лица эту идиотскую усмешку. Однако она прекрасно понимала, что все собравшиеся во дворе замка, затаив дыхание, ждут ее ответа. Ни одна душа в пределах слышимости, кроме, конечно, ее маленькой и по-детски наивной дочери, не верит тому, что у них с этим шотландцем всего лишь непринужденная беседа. Она явно уловила обольстительные нотки в низком бархатном голосе графа Кинрата.

Глядя в его светящиеся от радости глаза, женщина закусила нижнюю губу и решила, что не позволит ему заманить себя в западню.

Немного раньше она с удивлением отметила, что Кинрат сменил свое одеяние: вместо красно-черного килта на нем были камзол, бриджи и длинные лосины. Он был вооружен до зубов: на одном боку у него висел широкий меч, на другом кинжал, а за спиной виднелся огромный палаш. Кроме того, за широкий кожаный пояс горec заткнул маленький кинжал.

Оглядевшись, Франсин заметила, что все его родственники были одеты и вооружены так же, как он. Высокие, широкоплечие мужчины, бряцающие оружием, представляли собой пугающее зрелище.

– Я смотрю, сегодня вы одеты явно не для танцев, – сказала она. – Неужели собираетесь сразиться с шайкой разбойников на Великом Северном пути?

– Я по опыту знаю, что нужно быть готовым к любым неожиданностям, – ответил Кинрат, подтягивая ее стремя. Как бы подбадривая, он сжал рукой ее обтянутую сапогом для верховой езды лодыжку. – Вам нечего бояться, миледи. Думаю, что мы спокойно проделаем этот путь, и мне ни разу не придется вытаскивать из ножен свой кинжал, – сказал он с каким-то даже сожалением в голосе.

Вспомнив языческие письмена, которые опоясывали его мускулистые руки, и огромного парящего ястреба, изображенного на верхней половине спины, Франсин поняла, что этот свирепый шотландец на самом деле был бы очень рад, если бы в пути ему пришлось вступить в стычку с бандитами.

И чем больше будет пролито крови, тем, без сомнения, лучше.

Кинрат сел на своего великолепного Араба и подъехал к ней.

– Итак, леди Уолсингхем, если вы готовы, то мы отправляемся в Шотландию, – сказал он. На его лице по-прежнему играла легкая улыбка.

Глава шестая

Замок Беддигфелд

Грентам

Линкольншир, Англия

– О, прошу вас, Кинрат, поиграйте с нами! Если вы согласитесь, то мы позволим вам самому выбрать партнеров по команде. – Ангельский голосок леди Дианы буквально звенел от радости. По тому, как громко она кричала, хотя обычно никогда не позволяла себе повышать голос, было понятно, что ей очень хочется обратить на себя внимание шотландского графа.

Франсин опустилась на колени в траву возле своей дочери и краем глаза наблюдала за тремя мужчинами, которые, обогнув живую изгородь, появились на поляне. Кинрат, его дядя и кузен, облаченные в великолепные шерстяные камзолы, бриджи и длинные лосины, вышли на тропинку, ведущую к аккуратно подстриженной лужайке для игры в шары возле замка Беддигфелд.

Когда Кинрат и его спутники подошли ближе, граф улыбнулся.

– Что скажете, парни? – спросил он, посмотрев на своих родственников. – Хотите присоединиться к дамам и сыграть партию в шары?

При виде прекрасной брюнетки Колин Мак-Рат смущенно сжался, уткнувшись подбородком в кружевной воротник. Его веснушчатое лицо стало таким же красным, как и волосы.

– П-почему бы и нет? – пожав плечами, согласился он.

Переминаясь с ноги на ногу, рыжеволосый детина устался на подол зеленого шелкового платья леди Пемброк. Казалось, что когда Колин подходит к Диане ближе чем на четыре шага, то сразу теряет дар речи.

– Да, чертовски хорошая мысль, – ответил Уолтер Мак-Рат, кивнув головой и радостно улыбнулся, обнажив свой щербатый рот. Весело поблескивая глазами, он посмотрел сначала на Диану, потом на Колина. Похоже, мужчина прекрасно понимал, что его сын стал таким косноязычным потому, что безнадежно влюбился в черноволосую английскую красавицу, и это его забавляло.

Однако улыбка моментально исчезла с лица Уолтера, как только он увидел Люсию Грациоли. Та сидела на каменной скамье и, быстро работая крючком, который она сжимала крепкими старческими пальцами, вязала тонкое неаполитанское кружево. Итальянка буквально пронзала его своими черными, полными злости глазами, и он в отместку тоже бросил на нее злобный взгляд.

Люсия с недоверием относилась к любому половозрелому мужчине, который входит в тот круг общества, где вращается ее госпожа. Но особенно сильную неприязнь она почему-то питала к этим трем шотландцам.

Диана даже не посмотрела в их сторону. Ее серые глаза были прикованы к Кинрату. Она одарила его своей самой очаровательной улыбкой. Это была улыбка, которая заставляла многих мужчин замирать от любви и восторга. Диана хорошо понимала, какой властью обладает, имея такое грозное оружие.

– Мы можем разбиться на команды по три человека, – предложила она и, подойдя к Кинрату, положила свои прелестные пухлые пальчики на рукав его темно-коричневого камзола. – Что ж, выбирайте себе партнеров.

– Пользуясь тем, что мне первому предоставили право выбора, то я выбираю леди Анжелику и своего дядю, – ответил Кинрат.

Не обращая внимания на то, как обиженно надула губки Диана, он повернулся к дочери Франсин и подарил ей нежную улыбку. Анжелика запрыгала от радости. Сжимая в своих маленьких ручках ярко-красный шар, она вприпрыжку помчалась к Лахлану. Ее личико буквально светилось от радости.

– Вы правда хотите, чтобы я играла в вашей команде? – восхищенно взвизгнула девочка, не веря своему счастью. – Это правда, сэр? Скажите, правда? Вы точно хотите, чтобы я была в вашей команде, потому что я очень-очень хочу играть с вами?

– Да, хочу, – подтвердил он, опустившись перед ней на одно колено. – Если, конечно, ты согласишься принять нас с Уолли в свою команду.

Наклонившись, малышка прошептала на ухо Кинрату:

– Я плохо играю в шары.

– А я хорошо, – так же шепотом ответил он.

Поднявшись на ноги, граф приложил палец к губам, давая понять, что этот секрет никто, кроме них, не должен узнать.

Диана даже не пыталась скрыть досаду.

– Я так понимаю, что мне и Франсин придется играть в одной команде с вашим кузеном, – обиженно поджав губки и недовольно насупившись, сказала она и посмотрела на Колина. – Скажите, сэр, вы хорошо играете в шары?

Тот откашлялся, по-прежнему не отрывая глаз от подола ее платья, и его выступающий кадык задвигался вверх и вниз.

– Д-думаю, д-довольно хорошо, – пробормотал он.

Поднявшись с колен, Франсин отряхнула траву со своего легкого утреннего платья. Она помогла дочери выбрать маленькие шары, которые поместились бы в детской ладошке.

– Мы с радостью примем вас в свою команду, – заверила она Колина. – Похоже, победа будет за нами, ведь мы с Дианой тоже хорошо играем в эту игру.

Услышав ее слова, Кинрат тихо хмыкнул, и Франсин поймала на себе его веселый взгляд. Рассердившись на то, что он явно сомневается в ее способности победить его, она, не удержавшись, добавила:

– Вы со мной не согласны, милорд?

– Может быть, заключим пари?

– Я готова заключить с вами пари, Кинрат, – быстро предложила Диана, задышавшись от волнения.

Но шотландец по-прежнему пристально смотрел на Франсин и даже не повернулся в ее сторону. Его губы изогнулись в легкой вызывающей улыбке, и это, а также насмешливое молчание подтолкнуло ее поддержать пари куда больше, чем если бы он откровенно начал хвастаться.

– На что же вы хотите спорить? – осторожно поинтересовалась Франсин.

Он пожал своими могучими плечами с кажущимся безразличием:

– Если я выиграю, то буду сидеть рядом с вами во время всех предстоящих банкетов, включая сегодняшний.

– А если выиграю я?

– Вы проиграете.

– И все же, – настаивала она. – Вы должны чем-нибудь заинтересовать меня, Кинрат, иначе зачем мне вообще рисковать?

– Тогда сами назначьте себе награду, – сказал он с чисто мужской самоуверенностью.

Граф всегда выказывал величайшую самоуверенность. Это его качество больше всего раздражало Франсин. Никто из его окружения не возражал и не подвергал сомнению его роль лидера, даже англичане из их отряда. Все, похоже, относятся к нему с таким же уважением и почтением, как и к легендарным героям прошлого.

Все, кроме нее.

Женщину очень тревожило то, что он обладал способностью накладывать заклятия на ничего не подозревающих девушек и женщин.

Франсин глубоко вздохнула, стараясь унять волнение.

– Начиная с завтрашнего дня и до самого конца нашего путешествия на север, – сказала она, – вы, прежде чем предпринять какие-нибудь действия или значительные изменения, сначала будете советоваться со мной.

Несмотря на то что Кинрат удивленно приподнял бровь, он на самом деле совершенно не удивился такой необычной ставке.

Вчера, во второй половине дня, после двух дней пути они приехали в замок герцога Беддигфелда, который находился возле городка Грентам. На протяжении тех двух дней, что они были в пути, он взял на себя полное управление и ни разу не посоветовался с ней, прежде чем что-то изменить в их продвижении вперед по сельской местности Англии. Он сам решал, когда им следует делать остановки для отдыха, где они будут обедать и где ночевать. Она неоднократно напоминала ему о том, что маршрут следования их отряда четко определен, и они должны его придерживаться. Граф не утруждал себя препирательствами с ней. Он просто сам принимал все решения по пути следования, а потом просил одного из своих родственников сообщить ей о них.

Когда дело доходило до привилегии Франсин распределять места для дворян и аристократов за столом во время торжественных ужинов, она отвечала ему такой же неуступчивостью и своеволием. Несмотря на то что Кинрата больше не усаживали в дальнем конце стола, он все же сидел так далеко от нее, что беседовать они могли, только перекрикиваясь друг с другом.

Женщине едва удалось сдержать улыбку: она только сейчас поняла, как это его раздражало.

Постукивая указательным пальчиком по верхней губе, Франсин смотрела на него и думала, разумно ли заключать подобное пари. Учитывая его атлетическое телосложение, можно было предположить, что он наверняка преуспевает во всех видах спорта, которыми занимается. И если она проиграет, это будет означать, что ей каждый день во время переезда придется смиренно выполнять его распоряжения да еще и каждый вечер сидеть за столом рядом с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.